

Ян Леопольдович Ларри
Необыкновенные
приключения Карика и Вали
Серия «Золотое наследие (Эксмо)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23582763

Ларри, Ян. Необыкновенные приключения Карика и Вали: Эксмо;

Москва; 2017

ISBN 978-5-699-91965-9

Аннотация

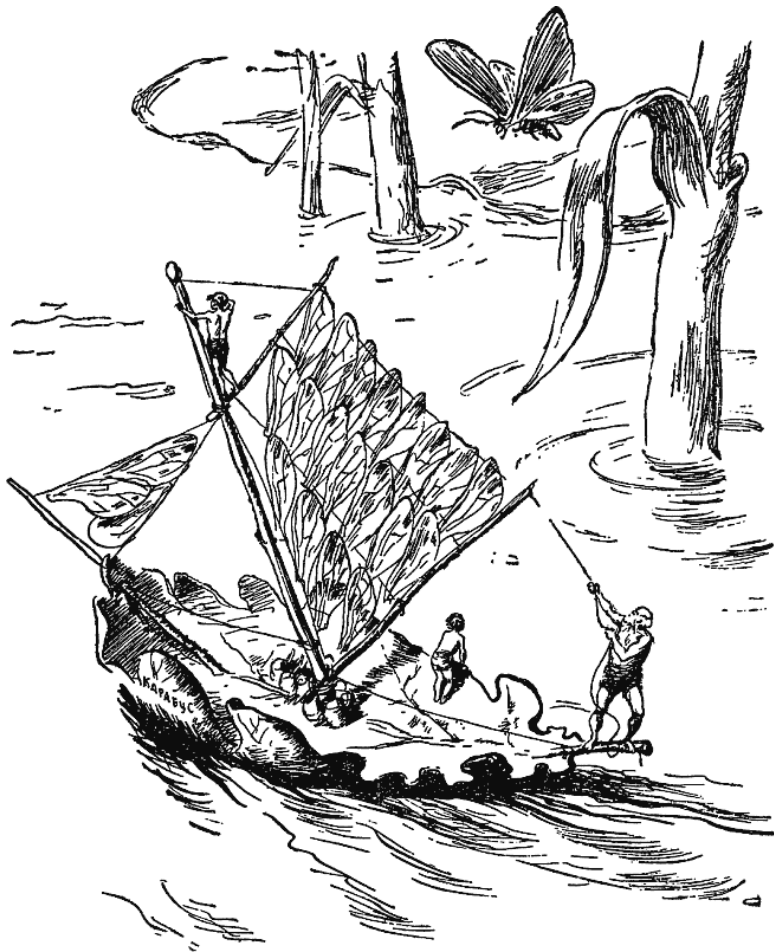
Повесть о фантастическом путешествии в реальный мир природы, увиденный словно через огромное увеличительное стекло.

Многим детям, прочитавшим эту книгу захочется узнать больше о жизни растений и насекомых, посидеть в лесу или на озере с увеличительным стеклом в руках.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	25
Глава 3	45
Глава 4	61
Глава 5	77
Глава 6	91
Глава 7	106
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Ян Ларри

Необыкновенные приключения Карика и Вали

© Я. Л. Ларри, наследники, 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Глава 1

Неприятный разговор с бабушкой. – Мама беспокоится. – Джек идёт по горячим следам. – Странная находка в кабинете профессора Енотова. – Таинственное исчезновение Ивана Гермогеновича.

Мама накрыла стол большой белой скатертью. Бабушка поставила на стол тарелки, положила ножи, ложки, вилки.

– Вот и обед, – сказала бабушка ворчливо, – а ребят всё нет и нет. И где они – ума не приложу... Вот раньше, когда я была маленькой...

– Ах, – сказала мама, – они даже не завтракали утром.

Она подошла к открытому окну, легла на подоконник и закричала:

– Карик! Валя!

– Ну как же, – заворчала бабушка, – спешат! Бегут сломя голову! Ты кричишь, а они, поди, в прыжки затяжные играют. Ты к обеду их ждёшь, а им, может, «Скорую помощь» нужно.

– Какие прыжки? Какую «Скорую помощь»? – испуганно спросила мама.

– А такую, – сказала бабушка. Она достала из кармана фартука клубок шерсти, вязальные спицы и недовязанный шерстяной чулок. Сияющие спицы засновали в её руках, вытягивая из клубка кручёную нитку. – А вот такую и помощь, – вздохнула бабушка, – такую Валерику позавчера вызывали.

– Какому Валерику?

– Какому же ещё... Один у нас во дворе баловник... Сынок управхоза! Он ведь что надумал! Достал где-то старый зонтик, устроил из него парашют и сиганул с балкона второго этажа на манер парашютиста.

– Ну и что?

– А ничего! Зацепился штанами за трубу и повис вниз головой. Так и висел полчаса, пока не приехала «Скорая помощь». Врач рассердился. Надо, говорит, пожарную команду вызывать в таких случаях, а не «Скорую помощь». Но, правда, всё-таки этого Валерика отцепили от трубы... Так что бы ты думала? Смеётся только. Я, говорит, рекорд поставил, сделал самый затяжной прыжок... Вот они теперь какие баловные!.. Когда я была маленькой...

– Ах, – сказала мама, – но где же они, в самом деле?..

– А то ещё Антей есть такой во дворе! Сначала метро строил с ребятами, потом подводную лодку изобрёл. Ну, ясно... Метро у них обвалилось, и всех засыпало землёй. Хорошо ещё дворник заметил вовремя и откопал их, а то бы все погибли. Так, ты думаешь, они угомонились? Как же! И ничуть даже! Сколотили из бочки и ящиков подводную лодку и, конечно, все как один утонули бы, да, на их счастье, милиционер проходил мимо. Кое-как вытащил подводников, слава богу. Да только... Тьфу! – плюнула в сердцах бабушка. – Ведь ты подумай только, какие озорники: не успели даже обсохнуть, так тут же изобрели космический полёт. Берёзу пригнут к земле, уцепятся двое, а все остальные...

– Нет, нет, – замахала руками мама, – не надо! Не хочу я этого слышать!

Она снова подошла к окну и закричала:

– Карик! Валя!

– Когда я была маленькой... – сказала бабушка.

Мама махнула рукой и, не слушая бабушку, легла на подоконник.

– Ка-ари-ик! Ва-аля! Обе-е-едать!

Во дворе мяукнула кошка.

– Я так и знала, – сказала бабушка, – я так и знала.

– Карик! Валя! – снова крикнула мама, потом быстро повернулась к бабушке и спросила: – Они вам не сказали, куда идут?

Бабушка сердито пожевала губами.

– Когда я была маленькой, – сказала она, – я всегда говорила, куда иду, а теперь ребята что хотят, то и делают. Хотят – на Северный полюс едут, а то и на Южный... Или, например, передавали недавно по радио...

– Что, что передавали? – поспешно спросила мама.

– А ничего! Утонул какой-то мальчик! То и передавали.

Мама вздрогнула.

– Ну, – сказала она, – это... это вздор! Карик и Валя не пойдут купаться!

– Не знаю, не знаю, – покачала головой бабушка, – купаются они или не купаются, не скажу, а только давно пора обе-

дать, а их всё нет и нет. Где они? Утром убежали, не позавтракав даже.

Мама провела ладонью по лицу. Не говоря ни слова, она быстро вышла из столовой.

– Когда я была маленькой... – вздохнула бабушка. Но что делала бабушка, когда была маленькой, мама так и не узнала: она уже стояла посреди двора и, щуря глаза от солнца, оглядывалась по сторонам.

Посреди двора, на жёлтой песочной горке, лежал зелёный совочек Вали, рядом валялась выцветшая тюбетейка Карика. И тут же, вытянув все четыре ноги, грелся на солнышке рыжий толстый кот Анюта. Он лениво жмурился и так вытягивал ноги, словно хотел подарить их маме.

– Где же они, Анюта?

Кот сладко зевнул, взглянул на маму одним глазом и перевернулся лениво на спину.

– Ну куда же, куда они делись? – бормотала мама. Она прошла по двору, заглянула в прачечную и даже посмотрела в тёмные окна подвала, где лежали дрова.

Ребят нигде не было.

– Ка-ари-ик! – ещё раз крикнула мама.

Никто не отозвался.

– Ва-а-аля! – закричала мама.

«Ав-ав-гав-гав-гау-у!» – взвыло где-то совсем рядом. В боковом подъезде сильно хлопнула дверь. Во двор, волоча за собой гремящую цепь, выскочила большая остромордая

собака овчарка.

Жирный кот Анята одним прыжком взлетел на поленницу дров.

«Тссс! – зашипел он, поднимая лапу. – Прош-ш-шу не ш-ш-шу-уметь!»

Собака гавкнула сердито на Аняту, с разгона взлетела на горку и стала кататься по песку, поднимая густые столбы пыли, потом вскочила, отряхнулась и с громким лаем бросилась на маму. Мама отскочила в сторону.

– Назад! Нельзя! Пошёл прочь! – замахала она руками.

– Джек! Тубо! К ноге! – раздался из подъезда громкий голос.

Во двор вышел, переваливаясь, толстый человек в сандалиях на босу ногу, с дымящейся папиросой в руке. Это был жилец четвёртого этажа – фотограф Шмидт.

– Ты это что же, Джек? А? – спросил толстяк строго и погрозил толстым пальцем.

Джек виновато вильнул хвостом.

– Экий дурень! – засмеялся фотограф.

Притворно зевая, Джек подошёл к хозяину, присел и, звеня цепью, старательно почесал задней лапой шею.

– Хорошая погодка сегодня, – приветливо улыбнулся толстяк, обращаясь к маме. – Вы не собираетесь на дачу? Самое время теперь – грибки собирать, рыбу ловить.

Мама взглянула на толстяка, на собаку и недовольно сказала:

– Опять вы её, товарищ Шмидт, без намордника выпустили. Ведь она же у вас настоящий волк. Так и смотрит, как бы кого цапнуть.

– Это вы про Джека? – удивился толстяк. – Ну что вы! Мой Джек и ребёнка не тронет. Он же смирный, как голубь. Хотите погладить его?

Мама махнула рукой.

– Ну вот, только и дел у меня, что собак гладить. Дома обед стынет, в комнатах ещё не прибрано, а тут ещё ребят дозваться никак не могу... И куда пропали – не понимаю. Ка-а-арик! Ва-а-аля! – снова закричала она.

– А вы приласкайте Джека, попросите хорошенько его. Скажите ему: «Ну-ка, Джек, разыщи поскорее Карика и Валу». Он их мигом найдёт.

Шмидт наклонился к собаке, потрепал её по шее.

– Найдёшь, Джек?

Джек тихонько взвизгнул и, неожиданно подпрыгнув, лизнул фотографа в губы. Толстяк отшатнулся, брезгливо плюнул и вытер губы рукавом.

Мама засмеялась.

– Напрасно смеётесь, – важно сказал Шмидт, – это же собака-ищейка. Она идёт по следам человека, как паровоз по рельсам. Хотите докажу?

– Я верю вам, – сказала мама, – верю без доказательств.

– Нет-нет, позвольте, – заволновался толстяк, – уж если я говорю – значит, так оно и есть. Ну-ка, дайте какую-нибудь

вещь Карика или Вали... Игрушку... Рубашку... Тюбетейку... всё равно что.

Мама пожала плечами, но всё же нагнулась, подняла тюбетейку и протянула её Шмидту.

– Прекрасно! Замечательно! Очень хорошо! – сказал толстяк и сунул собаке под нос тюбетейку Карика.

– Ну-ка, Джек, – произнёс он громко, – покажи, как ты работаешь! Ищи! Ищи, собачка!

Джек взвизгнул, пригнул голову к самой земле и, вытянув хвост, побежал по двору широкими кругами.

За ним бодро мчался фотограф.

Добежав до поленницы дров, Джек остановился и вдруг, подпрыгнув, встал на задние лапы, а передние положил на поленницу. Нос Джека очутился перед самой мордой кота Анюты.

«Р-р-ра-аз-зо-ор-р-ву!» – зарычал Джек.

Кот вскочил, изогнулся в дугу и, сверкнув зелёными глазами, зашипел как змея: «Меня? Ш-ш-шалиш-ш-шь!»

Джек попытался схватить его за хвост. Кот ощерился и закатил Джеку такую оплеуху, что бедный пёс завизжал от боли и от досады, но тотчас же оправился и с громким лаем снова кинулся на Анюту. Кот зашипел ещё громче, поднял лапу и закричал на своём кошачьем языке: «Пош-ш-ш-шёл вон! Заш-ш-ш-ш-шибу!»

– Ну-ну, довольно, Джек, – сказал сердито фотограф. – Не отвлекаться! – И он так сильно натянул поводок, что собака

присела на задние лапы. – А теперь ищи!

Сердито твякнув на кота, Джек побежал дальше. Он обежал весь двор, остановился у водосточной трубы и, шумно втягивая ноздрями воздух, посмотрел на хозяина.

– Понятно! Всё понятно, Джек! – кивнул головой фотограф. – Ты хочешь сказать, что они сидели тут и, наверно, играли с Анютой? Прекрасно! Но куда же они пошли отсюда? Надо искать, Джек! Ну? Ищи, ищи, собачка!

Джек заюлил, завертелся волчком, поскрёб лапами землю под трубой, потом с громким лаем помчался к парадному подъезду.

– Ага, ага – вы видите? – крикнул Шмидт. – Он уже напал на след.

Шаркая сандалиями, фотограф вприпрыжку побежал за собакой.

– Если вы найдёте ребят, пошлите их домой! – крикнула мама и направилась через двор к воротам.

«Наверное, они в соседнем дворе», – подумала она и, уже не обращая внимания на Джека и его хозяина, вышла за ворота дома.

* * *

Натягивая с силой цепочку, Джек тащил толстяка по лестнице вверх.

– Тише, тише! – пыхтел толстяк, еле поспевая за соба-

кой. На площадке пятого этажа Джек на секунду остановился, взглянул на хозяина, потом, отрывисто твякая, бросился к дверям, обитым клеёнкой и войлоком. На дверях висела белая эмалированная табличка с надписью:

Профессор Иван Гермогенович Енотов

Пониже была приколата записка:

Звонок не действует. Прошу стучать.

Джек с визгом подпрыгивал, царапал когтями клеёнчатую обивку двери.

– Тубо, Джек! – крикнул толстяк. – Тут просят стучать, а не визжать.

Фотограф Шмидт пригладил ладонью причёску, обстоятельно вытер платком потное лицо, потом согнутым пальцем осторожно постучал в дверь.

За дверью послышались шаркающие шаги.

Щёлкнул замок.

Дверь приотворилась. В щели показалось лицо с мохнатыми седыми бровями и жёлто-белой бородой.

– Вы ко мне?

– Простите, профессор, – смущённо сказал фотограф, – я только хотел спросить вас...

Но не успел толстяк договорить, как Джек вырвал из его

рук поводок и, чуть не сбив профессора с ног, бросился в квартиру.

– Назад! Джек! Тубо! – закричал Шмидт.

А Джек уже громыхал цепью где-то в конце коридора.

– Извините, профессор, Джек так молод... Разрешите войти. Я сейчас же уведу его обратно.

– Да-да... Конечно, – рассеянно сказал профессор, пропуская в квартиру Шмидта, – войдите, пожалуйста! Надеюсь, ваша собака не кусается?

– Очень редко! – успокоил профессора Шмидт.

Фотограф переступил порог. Закрыв за собой дверь, он сказал негромко:

– Тысяча извинений! Я на одну минутку... У вас, товарищ профессор, должны быть ребята... Карик и Валя! Со второго этажа...

– Позвольте, позвольте... Карик и Валя? Ну да! Конечно. Прекрасно знаю. Очень славные ребята. Вежливые, любознательные...

– Они у вас?

– Нет! Сегодня их не было у меня.

– Странно! – пробормотал толстяк. – Джек так уверенно шёл по следу...

– А может быть, это вчерашний след? – вежливо спросил профессор.

Но Шмидт не успел ответить. В дальней комнате звонко залаял Джек и тотчас же что-то загремело, задрезжало и

зазвенело, как будто на пол упал шкаф или стол с посудой. Профессор вздрогнул.

– Да ведь она там перебьёт всё! – закричал он плачущим голосом и, схватив Шмидта за рукав, потащил его за собой по тёмному коридору. – Сюда! Сюда! – бормотал он, толкая дверь.

Как только профессор и фотограф переступили порог комнаты, Джек кинулся хозяину на грудь, взвизгнул и с лаем бросился назад.

Он носился по комнате, волоча за собой цепочку, обнюхивал книжные шкафы, вскакивал на кожаные кресла, вертелся под столом, бестолково бросался из стороны в сторону. На столе звенели, подпрыгивая, колбы и реторты, качались высокие прозрачные стаканы, дрожали тонкие стеклянные трубочки.

От сильного толчка качнулся, сверкнув на солнце, микроскоп.

Профессор еле успел подхватить его. Но, спасая микроскоп, зацепил рукавом сияющие никелем чашечки каких-то сложных весов. Чашечки упали, подпрыгнули и со звоном покатались по жёлтому паркетному полу.

– Что же ты, Джек, – громко сказал фотограф, – оскандалился? Лаешь, а зря. Ну? Где же ребята?..

Джек склонил голову набок. Насторожив уши, он внимательно смотрел на хозяина, стараясь понять, за что же его ругают.

– Стыдно, Джек, – неодобрительно покачал головой фотограф, – а ещё, говорят, ищайка! С дипломом! За кошками тебе гоняться, а не по следу идти! Ну, пошли домой! Извините великодушно, товарищ профессор, за беспокойство!

Фотограф неловко поклонился и шагнул было к двери. Но тут Джек словно взбесился. Он схватил своего хозяина зубами за брюки и, упираясь лапами в скользкий паркетный пол, потащил к столу.

– Да что с тобой? – удивился толстяк.

Повизгивая, Джек принялся бегать вокруг стола, а потом прыгнул на диванчик, который стоял перед открытым окном.

Положив лапы на подоконник, он коротко, отрывисто залалял.

Шмидт рассердился.

– Тубо! К ноге! – закричал он, хватая собаку за ошейник, но Джек упрямо мотнул головой и снова бросился к дивану.

– Ничего не понимаю! – развёл руками фотограф.

– Наверное, мышь за диваном! – попробовал догадаться профессор. – А может, корка хлеба или кость? Я ведь часто и обедаю тут. – Он подошёл к дивану и отодвинул его от стены.

За спинкой дивана что-то зашуршало и мягко шлёпнулось на пол.

– Корка! – сказал профессор.

Джек рванулся вперёд. Он протиснулся между стеной и отодвинутым диваном, завертел хвостом и, кажется, схватил что-то зубами.

– А ну, что там у тебя? Покажи! – крикнул фотограф.

Джек попятился, мотнул головой, круто повернулся к хозяину и положил к его ногам детскую стоптанную сандалию.

Фотограф растерянно повертел находку в руках.

– Кажется, детская обувь, так сказать...

– Гм... Странно, – сказал профессор, разглядывая сандалию, – очень странно!

Пока они вертели в руках находку, Джек вытащил из-за дивана ещё три сандали: одну такую же и две поменьше.

Ничего не понимая, профессор и толстяк смотрели то друг на друга, то на сандали. Шмидт постучал согнутым пальцем по твёрдой подошве одной сандали и неизвестно для чего сказал:

– Крепкие! Хорошие сандали!

А Джек между тем вытащил из-за дивана синие трусики, потом ещё трусики и, прижав их лапой к полу, негромко тьякнул.

– Это ещё что такое? – совсем уже растерялся профессор.

Он нагнулся и протянул было к трусикам руку, но Джек, оскалив зубы, так зарычал, что профессор поспешно отдернул руку.

– Какой у него, однако, неприятный характер! – смущённо сказал профессор.

– Да, он у меня не очень вежливый! – согласился фотограф.

Он взял трусики, встряхнул их и, аккуратно сложив, пе-

редал профессору:

– Прошу!

Профессор покосился на Джека.

– Нет-нет, не надо, – сказал он, – я и так всё вижу... Ну да... Ну да... Вот и метки. «В» и «К» – Валя и Карик! – И он потрогал пальцем белые буквы, вышитые на поясах трусиков.

Толстяк вытер ладонью потное лицо.

– Ванна в квартире есть? – деловито спросил он.

– Нет, – сказал профессор, – ванны нет! Но если вам нужно вымыть руки, то...

– Да нет, – запыхтел толстяк, – вымыться я и дома могу. Я думал, что они разделись и купаются в ванне. Понятно?

– Да, конечно, – кивнул головой профессор.

– Ну, куда же они делись? Голые... Без трусиков... Без сандалий? Ничего не понимаю! – развёл руками Шмидт.

Он широко расставил ноги, заложил руки за спину и, опустив голову, долго смотрел на жёлтые квадратики паркета, потом выпрямился и сказал уверенно:

– Ничего! Мы их сейчас найдём. Они здесь, профессор! Они просто прячутся! Будьте уверены! Мой Джек никогда не ошибается.

Профессор и фотограф обошли все комнаты, заглянули на кухню и даже осмотрели тёмный чулан.

Джек уныло плёлся за ними.

В столовой толстяк открыл дверцы буфета, сунул голову

под стол, а в спальне пошарил руками под кроватью. Но ребята в квартире не было.

– Куда же они спрятались? – бормотал фотограф.

– А по-моему, – сказал профессор, – они не приходили сегодня.

– Вы думаете? – задумчиво переспросил Шмидт. – Думаете, что их не было? А ты как думаешь, Джек? Здесь они или нет?

Джек тьякнул.

– Здесь?

Джек тьякнул ещё раз.

– Ну так ищи! Ищи, собачка!

Джек сразу повеселел. Он бросился назад и снова привёл профессора и Шмидта в кабинет. Тут он опять прыгнул на подоконник и стал громко лаять и визжать, точно уверяя своего хозяина, что ребята ушли из квартиры через окно.

Шмидт рассердился.

– Ну и балбес, ну и щенок! Уж не думаешь ли ты, что ребята спрыгнули во двор с пятого этажа? Или, может быть, улетели, как мухи или стрекозы?

– Что? – вздохнул профессор. – Улетели? Какая стрекоза? Фотограф улыбнулся.

– Да вот мой Джек так думает!

Профессор схватился руками за голову.

– Какой ужас! – прошептал он.

– Что с вами? Выпейте воды! Вы так побледнели.

Он шагнул было к столу, на котором стоял графин с водой, но тут профессор так закричал, будто наступил босыми ногами на раскалённое железо:

– Стоп! Стоп! Стойте!

Испуганный фотограф застыл на месте.

Профессор стремительно протянул руку к столу, схватил стакан с бесцветной жидкостью, торопливо поднёс его к глазам и посмотрел на свет. Потом быстро выхватил из кармана большую лупу с чёрной костяной ручкой и крикнул Шмидту:

– Не двигайтесь! Пожалуйста, не двигайтесь! И собаку держите покрепче! А лучше возьмите её на руки! Прошу вас!

Перепуганный толстяк растерянно поглядел на профессора и, не спрашивая его больше ни о чём, сгрёб собаку в охапку и крепко прижал её к животу.

«Кажется, старик с ума спятил!» – подумал он.

– Так и стойте! – крикнул профессор.

Держа перед глазами лупу и согнувшись в три погибели, он принялся внимательно осматривать квадратики пола один за другим.

– А мне долго придётся так стоять, профессор? – робко спросил фотограф, с тревогой следя за странными движениями профессора.

– Ставьте ногу сюда! – крикнул профессор, указывая пальцем на ближайшие квадратики паркета.

Шмидт неловко поставил ногу и так крепко прижал к себе

Джека, что тот забился на руках и тихонько взвизгнул.

– Молчи! – прошептал Шмидт, со страхом следя за профессором.

– Теперь – вторую ногу! Ставьте её сюда!

Толстяк безропотно повиновался. Так, шаг за шагом, профессор довёл онемевшего от удивления фотографа до дверей.

– А теперь, – сказал профессор, широко распахнув двери, – а теперь уходите, пожалуйста!

Дверь захлопнулась перед самым носом Шмидта.

Со звоном щёлкнул французский замок. Толстяк выпустил из рук Джека и, теряя сандалии, кинулся вниз по лестнице, тяжело дыша и поминутно оглядываясь.

Джек с громким лаем мчался за ним.

Так они добежали до отделения милиции.

К вечеру во двор въехала машина с красными полосами по бортам. Несколько милиционеров выскочили из машины, вызвали дворника и поднялись на пятый этаж, где жил профессор Енотов.

Но профессора дома не оказалось. На дверях его квартиры висела приколотая блестящими кнопками записка:

Не ищите меня. Это бесполезно.

Профессор И.Г. Енотов.

Глава 2

Чудесная жидкость. – Загадочное поведение трусиков и сандалий. – Необыкновенное превращение в самой обыкновенной комнате. – Приключение на подоконнике. – Карик и Валя отправляются в удивительное путешествие.

А дело было так.

Накануне того дня, когда исчезли ребята, Карик сидел вечером в кабинете профессора Енотова.

В такие часы он любил беседовать с Иваном Гермогеновичем. Весь кабинет погружён в полумрак; из тёмных углов поднимаются к потолку длинные чёрные тени; кажется – там притаился кто-то и глядит на светлое пятно над большим столом.

Голубые огоньки спиртовок тянутся, вздрагивая и раскачиваясь, к закопчённым донышкам стеклянных колб. В колбах что-то булькает и клокочет.

Сквозь фильтры медленно просачиваются и звонко падают в бутылку прозрачные капли.

Карик залез с ногами в самое большое кожаное кресло.

Прижав подбородок к столу, он внимательно следит за ловкими руками профессора, стараясь не дышать, не шевелиться.

Профессор работает, свистит, рассказывает Карика забавные истории о своём детстве, но чаще всего говорит о том,

что видел в Африке, в Америке, в Австралии; и всё это у него выходит очень неплохо.

Вот и сейчас, засучив белые рукава халата, профессор склонился над столом и медленно, капля за каплей, переливает в узкие стаканчики густую, маслянистую жидкость.

Изредка он бросает в эти стаканчики какие-то блестящие кристаллы – тогда в жидкости появляются хлопья и, тихонько кружась, опускаются на дно.

Потом Иван Гермогенович подливает из мензурки что-то синее, а жидкость почему-то становится после этого розовой.

Всё это, конечно, очень интересно, и Карик готов просидеть у стола до самого утра.

Но вдруг Иван Гермогенович торопливо вытер руки полотенцем, схватил за горлышко большую колбу и быстро-быстро завернул её в синюю бумагу.

– Ну вот, – сказал он, – наконец-то я могу поздравить себя с успехом.

– Она готова? – радостно спросил Карик.

– Да. Теперь осталось только обесцветить её и...

Профессор щёлкнул пальцами и громко запел:

О жидкость – чудо и краса!

Творить мы будем чудеса!

Карик невольно поморщился: пел профессор хотя и очень

громко, но у него не было слуха, и все песни поэтому он распевал на один мотив, похожий на завывание ветра в трубе.

– А если кролик не станет пить? – спросил Карик.

– Как это не станет? – Профессор даже пожал плечами. – Заставим выпить... Но это уже завтра... А сейчас...

Иван Гермогенович взглянул на часы и засуетился:

– Ай-яй-яй, Карик! Как мы засиделись!.. Одиннадцать часов... Да... Одиннадцать часов и две минуты.

Карик понял, что ему пора идти домой. Вздохнув, он нехотя слез с кресла и спросил:

– А завтра вы не начнёте без меня?

– Ни в коем случае, – мотнул головой профессор. – Ведь я же обещал тебе.

– А Валю можно привести?

– Валю?

Профессор подумал.

– Ну что ж... Приходи с Валею.

– А вдруг ничего не получится?

– Всё получится, – уверенно сказал профессор, гася спиртовки.

– И кролик превратится в блоху?

– Ну нет, – засмеялся профессор, – кролик так и останется кроликом.

– А люди могут уменьшаться?

– А почему же нет?

– Ну как же, – нерешительно сказал Карик, – человек всё-

таки царь природы и... вдруг...

– И вдруг?..

– И вдруг... Он будет меньше мухи... Это же...

– Что?

– Это же неприлично!

– Почему?

– Не знаю! Бабушка говорит – неприлично. Мы с Вале́й читали недавно книжку про Гулливера и лилипутов, а бабушка взяла да и порвала её. Она говорит, неприлично изображать людей крошечными. Бабушка рассердилась даже. Она сказала: человек больше всех животных, а потому все и подчиняются ему.

– А почему же прилично человеку быть меньше слона?

– Так то же слон!

– Глупости, мой мальчик; человек велик не ростом, а своим умом. И умный человек никогда не подумает даже, прилично или неприлично выпить уменьшительную жидкость и отправиться в странный мир насекомых, чтобы открыть многое такое, что очень нужно и полезно человеку. Да и, кроме того... А впрочем, пора, мой друг, и по домам.

– А скажите, Иван Гермогенович...

– Нет, нет. Больше я тебе ничего не скажу. Довольно. Отложим разговор до завтра! Иди, дружок, домой. И я устал, да и тебе пора уже спать.

Всю ночь Карик ворочался с боку на бок. Во сне он видел розового слона, да такого крошечного, что его можно было посадить в напёрсток. Слон ел компот, бегал по столу вокруг тарелок и так шалил, что рассыпал всю соль, а сам чуть не утонул в горчице. Карик достал его из горчичницы и принялся обмывать в блюдечке, но слон вырывался и толкал Карика хоботом в плечо. Потом он прыгнул ему на голову и сказал голосом какой-то знакомой девочки:

– Карик, что с тобой? Что ты кричишь?

Карик открыл глаза. У кровати стояла, завернувшись в одеяло, Валя.

– Ага! Ты уже проснулась, – сказал Карик. – Очень хорошо. Одевайся быстрее.

– Зачем?

– Надо идти. Пойдём к Ивану Гермогеновичу. У-ух, что там будет сегодня... Такие чудеса! Такие чудеса!

– А что?

– Одевайся быстрее!

– Я надену трусики и сандалии! – сказала Валя, торопливо заправляя кровать.

– Надевай что хочешь – только побыстрее!

Разыскивая под кроватью сандалии, Карик рассказывал шёпотом:

– Ты понимаешь, как он здорово придумал!..

– Придумал?

– Ну да! Иван Гермогенович придумал... Такую жидкость придумал... Розовую... Понимаешь?

– Вкусную? Да? – спросила Валя, застёгивая ремешки сандалий.

– Очень вкусную... Хотя неизвестно ещё... Для кроликов жидкость!.. Сегодня он даст им попить этой жидкости, а как они выпьют – тогда... Уй-юй-юй!

– Ой, как интересно! – всплеснула руками Валя.

– И знаешь, что с ними будет?

Валины глаза широко открылись.

– Ну, и что же с ними будет? – спросила она почему-то шёпотом.

– С ними? – Карик подумал немного и сказал честно: – Пока ещё неизвестно, будет что-нибудь с ними или не будет, но... Мы сейчас увидим... Это же ведь пока только опыты. Пошли быстрее!

Карик, а за ним Валя закрыли за собой дверь и тихонько прошмыгнули через мамину комнату.

Мама крикнула что-то вслед, но Карик схватил Валю за руку и, погрозив ей пальцем, быстро потащил за собой.

– Молчи, – зашептал Карик, – а то начнётся сейчас: зубы чисти, умывайся, одевайся, завтракай, ногами за столом не болтай... Обязательно опоздаем!

Пробежав двор, они юркнули на парадную лестницу, взбе-

жали не останавливаясь на пятый этаж. Карик первым схватил ручку двери, на которой висела записка со словами: «Звонок не действует. Прошу стучать».

Карик постучал, но никто не отозвался. Тогда он потянул на себя ручку двери, и она вдруг открылась.

Ребята вошли в полутёмную переднюю. Здесь было прохладно. В углу поблёскивало большое зеркало. Сверху, с большого шкафа, смотрели на ребят бронзовые и мраморные головы. На вешалке висели шуба профессора, пальто и тёмный плащ, похожий на шахматную доску. В квартире было тихо. Где-то очень далеко, наверное на кухне, капала из крана вода. В столовой размеренно постукивали часы.

– Наверное, Иван Гермогенович у себя в кабинете! – сказал Карик. – Идём быстрее.

Но и в кабинете профессора не было.

Ребята решили подождать его.

Окна профессорского кабинета были раскрыты настежь. Яркое летнее солнце щедро освещало большой белый стол. Он весь был заставлен пузатыми банками, колбами и ретортами. Между банками стояли в стаканах пучки очень длинных стеклянных трубочек. Ослепительно сверкали на солнце никелированные чашечки, матово светились фарфоровые ступки, весело сияли медные части микроскопа. Резвые солнечные зайчики стремительно проносились по потолку, скользили по стенам, прыгали по колбам и ретортам.

Громоздкие и важные, стояли вдоль стен шкафы с книга-

ми.

Названия книг прочесть ещё можно было, но для того, чтобы понять прочитанное, нужно было, наверное, очень и очень долго учиться. Золотыми буквами на корешках книг написаны такие названия: «Экология животных», «Гидробиология», «Хирурги», «Аскариды».

Эти книги, пожалуй, лучше всего было не трогать.

Ребята молча обошли кабинет, покрутили немножко винтики микроскопа, посидели по очереди в кожаном кресле, на спинке которого лежал, раскинув пустые рукава, белый халат профессора, а потом стали рассматривать банки, колбы и реторты.

– А в какой банке вкусная жидкость? – спросила Валя. – Ты сказал, что Иван Гермогенович придумал вкусную жидкость.

– Ой, Валька, – строго сказал Карик, – ты лучше отойди от стола и ничего не трогай!

– Я не трогаю! – вздохнула Валя и придвинулась совсем близко к высокому узкому стакану, который был наполнен доверху светлой серебристой жидкостью. Со дна стакана поднимались маленькие светящиеся пузырьки и беззвучно лопались на поверхности. Жидкость была похожа на газированную воду и, наверное, была такая же прохладная. Валя осторожно взяла высокий стакан. Он был холодный, как лёд. Она поднесла стакан к лицу и понюхала. Вода пахла персиками и ещё чем-то незнакомым, но очень, очень вкусным.

– Ой, как хорошо пахнет! – закричала Валя.

– Поставь на место! – сказал сердито Карик. – Ничего не трогай. Может быть, это отрава. Отойди от стола. Слышишь?

Валя поставила стакан на место, но от стола не отошла: жидкость так хорошо пахла, что хотелось понюхать её ещё раз.

– Валька, отойди! – сказал Карик. – А то я маме скажу. Честное пионерское!

Валя обошла вокруг стола, посидела в кресле, но скоро вернулась обратно и нечаянно очутилась опять перед вкусным стаканом.

– А знаешь, Карик, это же газированная вода! – сказала она, и вдруг ей так захотелось пить, будто весь день она ела копчёные селёдки.

– Не трогай! – крикнул Карик.

– А если мне хочется пить? – спросила Валя.

– Иди домой и пей чай.

Валя ничего не ответила. Она подошла к окну, посмотрела вниз, а когда Карик отвернулся, быстро подскочила к столу и, схватив стакан, отхлебнула немножко.

– Вот вкусно-то! – прошептала Валя.

– Валька, ты с ума сошла! – закричал Карик.

– Ой, Карик, как вкусно! Попробуй! – И она протянула стакан брату. – Холодная и очень вкусная... Никогда такой не пила.

– А вдруг это всё-таки отрава? – сказал Карик, недовер-

чиво посматривая на серебристую жидкость.

– Отрава бывает горькая, – засмеялась Валя, – а это очень вкусное.

Карик переступил с ноги на ногу.

– Наверное, дрянь какая-нибудь! – сказал он, нерешительно протягивая руку к стакану.

– Совсем не дрянь. Попробуй. Пахнет персиками, а на вкус – как ситро. Только ещё вкуснее.

Карик огляделся по сторонам. Если бы в эту минуту вошёл профессор, у него с Кариком, пожалуй, произошёл бы очень неприятный разговор. Но в кабинете была только Валя, поэтому Карик торопливо отпил несколько глотков и поставил стакан на прежнее место.

– А ведь правда вкусно! – сказал он. – Только больше не пей, а то Иван Гермогенович заметит. Давай лучше посидим на окне. Наверное, скоро придёт Иван Гермогенович, и мы начнём делать опыты.

– Хорошо, – вздохнула Валя и посмотрела с сожалением на стакан с такой вкусной жидкостью.

Ребята забрались на диван, который стоял около стола, а с дивана перебрались на подоконник.

Свесив головы вниз, они лежали, болтая ногами и рассматривая сверху далёкий двор. Внизу бродил кот Анюта. Он был такой маленький, как будто игрушечный.

– У-ух, как высоко! – сказала Валя и плюнула вниз. – Ты бы прыгнул?

– Прыгнул, – ответил Карик. – С парашютом прыгнул бы.

– А без парашюта?

– Без парашюта? Нет, без парашюта с такой высоты не прыгают.

Мимо окон проносились ласточки, хватая на лету мошек. Сизые голуби садились на балконы и подоконники.

– Стрекоза! – закричала вдруг Валя. – Смотри, смотри!

Прямо на ребят мчалась, может быть спасаясь от ласточек, голубая стрекоза. Увидев ребят, она застыла неподвижно в воздухе, потом ринулась в сторону и с такой силой ударилась в стекло открытого окна, что упала на подоконник замертво.

– Моя! – крикнул Карик.

– Нет, моя! – закричала Валя. – Я первая увидела её.

Стрекоза лежала на подоконнике между Кариком и Валей, беспомощно перебирая крошечными лапками.

Карик протянул руку к стрекозе, и вдруг ему показалось, что он теряет трусики. Он торопливо нагнулся, но не успел их подхватить – трусики скользнули вниз, а вслед за ними упали с ног и сандалии.

Карик хотел было спрыгнуть с подоконника на диван, стоящий у окна, но диван вдруг быстро помчался вниз, точно лифт с верхнего этажа.

Ничего не понимая, Карик растерянно посмотрел по сторонам, и тут он увидел, что вся комната как-то странно растягивается и вверх, и вниз.

– Что это? – испуганно закричал Карик.

Стены, пол и потолок раздвигались, как мехи огромной гармошки.

Люстра мчалась вместе с потолком вверх. Пол стремительно уходил вниз.

Прошло не более минуты, а комнату уже нельзя было узнать. Высоко над головой покачивался гигантский стеклянный стратостат, обвешанный сверкающими на солнце прозрачными сосульками.

Это была люстра.

Глубоко внизу раскинулось необозримое жёлтое поле, расчерченное ровными квадратами. На квадратах валялись четырёхугольные брёвна с обожжёнными концами. Рядом с ними лежала длинная белая труба, на которой огромными буквами было написано «Беломорканал». Один конец её был опалён и покрыт густой шапкой серого пепла.

В стороне, точно кожаные горы, стояли чёрные кресла, а белый халат профессора покрывал их, как вечный снег покрывает горные вершины.

Там, где стояли книжные шкафы, теперь поднимались небоскрёбы из стекла и коричневых балок. Сквозь стёкла можно было видеть большие, как пятиэтажные дома, книги.

– Карик, что это? – спокойно спросила Валя, рассматривая с любопытством чудесное превращение комнаты.

Тут только Карик заметил Валу. Она стояла возле него без сандалий и без трусиков.

– Смотри, Карик, смешно как! – засмеялась она. – Это

опыты начались? Да?

Но не успел Карик ответить, как рядом что-то зашумело, застучало. Густые тучи пыли поднялись над подоконником. Валя вцепилась Карику в плечо. В ту же минуту дунул ветер. Пыль взлетела вверх и медленно рассеялась.

– Ай! – крикнула Валя.

На том месте, где только что лежала крошечная стрекоза, шевелилось толстое и длинное, как бревно, коленчатое тело с огромным крюком на конце.

Покрытое бирюзово-голубыми пятнами, коричневое тело судорожно сжималось. Суставы двигались, то наползая друг на друга, то выгибаясь в сторону. Четыре огромных прозрачных крыла, покрытых густой паутиной сверкающих жилок, дрожали в воздухе. Чудовищная голова билась о подоконник.

– Кари-ик! – прошептала Валя. – Кто это?

– Ш-ш-ш!

Осторожно ступая, Карик пошёл по подоконнику, который теперь был похож на деревянную автостраду, но, сделав несколько шагов, испуганно остановился.

Он стоял на краю пропасти.

Ему показалось, что он смотрит вниз с высоты Исаакиевского собора.

И тогда Карик понял, что случилось. Он повернулся к Вале, взял её за руку и, заикаясь от ужаса, сказал:

– Это... Это, наверное, была вода для кроликов... Пони-маешь?.. Опыт профессора удался... Только уменьшились не кролики, а мы с тобой.

Валя ничего не поняла.

– А что это такое? – спросила она, указывая на чудовище, которое неподвижно лежало на подоконнике.

– Это?.. Стрекоза!

– Такая громадная?

– Совсем не громадная, – уныло сказал Карик, – она такая же, как была. Зато мы с тобой стали крошечные... Вроде блохи...

– Вот интересно-то! – обрадовалась Валя.

– Дура! – рассердился Карик. – Ничего интересного тут нет... Посадят нас теперь в банку и станут рассматривать через микроскоп.

– А по-моему, – уверенно сказала Валя, – рассматривать не будут. Иван Гермогенович придёт и сделает нас опять большими.

– Да-а, большими! Он даже не заметит нас!

– А мы закричим!

– Не услышит!

– Не услышит? Почему? Разве он глухой?

– Он-то не глухой, а голоса теперь у нас, наверное, как у комаров.

– Ну да? – недоверчиво улыбнулась Валя и что было силы крикнула: – Эге-ей! Мы зде-е-есь!

Она взглянула на Карика и спросила:

– Ну что? Плохо слышно?

– Для нас – хорошо, а для Ивана Гермогеновича – плохо.

– А что же теперь будет с нами?

– Ничего особенного. Смахнут тряпкой с подоконника, растопчут ногами – вот и всё...

– Кто смахнёт?

– Да сам же Иван Гермогенович.

– Смахнёт тряпкой?

– Ну да! Станет пыль вытирать и смахнёт! С пылью!

– А мы... А мы... А мы... Слушай, Карик, я уже придумала... Знаешь что, мы сядем на стрекозу. Иван Гермогенович увидит дохлую стрекозу и обязательно положит её к себе на стол, а мы тогда заберёмся под микроскоп, и он увидит нас... Ну конечно, увидит! И сделает опять большими... Залезай скорее на стрекозу.

Валя схватила Карика за руку.

– Садись!

Помогая друг другу, ребята проворно вскарабкались на стрекозу, но лишь только они уселись, как стрекоза зашевелилась, застучала громыхающими крыльями, тяжело заворо-

чалась и запыхтела, как машина.

Ребята почувствовали, как под ними начало выгибаться её сильное, мускулистое тело.

– Ой, она живая. Слезай скорее! – взвизгнула Валя.

– Ничего, ничего. Держись крепче.

Ребята крепко обхватили руками и ногами туловище стрекозы, но она изгибалась всем телом, пытаясь освободиться от неприятной ноши. Карик и Валя качались и подскакивали, точно на пружинах.

– Сбросит! Ой, сбросит! – визжала Валя.

– Подожди! – крикнул Карик. – Я ей... Вот, стой-ка!

Он дополз до головы стрекозы, перегнулся и изо всей силы ударил её несколько раз кулаком по глазам.

Стрекоза вздрогнула, изогнулась и замерла.

– Кажется, опять сдохла, – сказала Валя.

– Посмотрим.

Карик слез со стрекозы, обошёл её вокруг, потом схватил двумя руками прозрачное, как слюда, крыло и попробовал приподнять её. Стрекоза не шевелилась.

– Сдохла, – уверенно сказал Карик, вскарабкиваясь на стрекозу.

Некоторое время ребята сидели молча, посматривая то и дело на дверь, но скоро им стало скучно, и они принялись рассматривать стрекозу. Карик забрался на крыло и попробовал оторвать его от туловища. Но крыло держалось очень крепко. Тогда Карик прыгнул на голову стрекозы и постучал

пятками по её глазам.

– У-ух, глазищи-то какие! Видишь?

– Ага.

Робко протянув руку, Валя осторожно дотронулась до холодных, точно вылитых из хрусталя, глаз.

– Страшные!

У стрекозы в самом деле были удивительные глаза – огромные, выпуклые, вроде стеклянных фонарей. Покрытые тысячами ровных граней, они светились изнутри голубовато-зелёными огнями.

И эти странные глаза глядели сразу и на Карика, и на Валю, и на двор, и на небо, и на потолок комнаты, и на пол.

Казалось, в каждом глазу светились тысячи отдельных зеленоватых глаз и все они смотрели внимательно и зорко.

А перед этими огромными глазами, на самом краю головы, сидели ещё три маленьких коричневых глаза, и они тоже очень зорко следили за ребятами.

– Знаешь, – сказала Валя, – всё-таки она живая. Она смотрит, Карик, видишь?

– Ну и что же?

– Надо убить её ещё раз. Вдруг она оживёт?.. Ты знаешь, чем питаются стрекозы?

– Кажется, травой или соком цветов, – неопределённо сказал Карик. – Хорошо не помню. А что?

– Боюсь, как бы она не съела нас, если оживёт. Кто же знает, что она привыкла есть? Давай лучше убьём её ещё один

раз.

Валя спустила было ноги на пол, пытаясь слезть со стрекозы, но в это время в квартире как будто грохнул взрыв. Потом раздался мерный, тяжёлый топот.

– Что это? – замерла Валя.

– Это... Ур-ра! Это Иван Гермогенович идёт! – радостно закричал Карик.

Валя поспешила занять прежнее место.

Дверь хлопнула. В окно ударила волна воздуха. В кабинет вошёл человек-гора с бородой, похожей на стог белого хлопка.

Тут Карик и Валя закричали что было силы:

– Иван Гермогенович!

– Иван Гермогенович!

Человек-гора открыл широко глаза. Ладонь величиной с обеденный стол взлетела вверх и остановилась у скрученного раковины уха, из которого торчали в стороны седые пучки волос, толстые, как рисовальные карандаши. Он посмотрел по сторонам, прислушался, пожал недоумевающе плечами.

– Иван Гермогенович! Ива-ан Ге-ермо-оге-ено-ович! – крикнули вместе Карик и Валя.

Человек-гора шумно вздохнул. В комнате всё загудело. Ребята чуть было не слетели вместе со стрекозой вниз, на каменный двор.

– К на-ам! Сюда-а!

Человек-гора шагнул к окну.

– Ур-ра! – закричал Карик. – Он слышит!

– Мы здесь! Зде-есь! – надрывалась Валя.

Человек-гора остановился.

– К на-ам! К нам! Сюда! Мы здесь! – кричали ребята.

Человек-гора подошёл к окну.

Но вдруг стрекоза шевельнулась, затрещала слюдяными крыльями, подняла на подоконнике густое облако пыли и вместе с Кариком и Валеёй провалилась вниз, в синий воздушный океан.

– Держись! – закричала Валя, хватая Карика за шею.

Глава 3

Встреча в воздушном океане. – Прозорливый самолёт. – Недовольные парашютисты. – Приключения Карика и Вали в большой луже. – Подводная тюрьма. – В лапах восьмиглазого чудовища.

Стрекоза летела, шумя прозрачными жёсткими крыльями. Они гремели, точно листовое железо.

Упругий ветер мчался навстречу, рвал волосы, пронзительно свистел в ушах.

Он бил в лицо, слепил глаза. Дышать было трудно. Крепко вцепившись в стрекозу, охватив её руками и ногами, ребята сидели ни живы ни мертвы.

– Карик! – крикнула сквозь вой ветра Валя. – Как мне держаться? Меня тащит... Вниз тащит... Ветром!

– Молчи! Упадём! – закричал Карик и чуть не задохнулся от ветра.

Ветер дул с такой силой, что казалось, он оторвёт Валу и Карика от стрекозы и сбросит их вниз. Ребята пригнулись к самой спине стрекозы, но и это не помогало.

– Ложись, Валька! – закричал Карик, вытягиваясь во весь рост.

Валя последовала его примеру.

– Ну что? – крикнул Карик. – Лучше стало?

– Немножко!

И в самом деле, теперь напор ветра был не так уже силён. Теперь можно было открыть глаза и даже оглядеться по сторонам.

Не поднимая головы, Валя крикнула:

– А ведь так совсем не страшно!

Сквозь шум ветра Карик услышал только одно слово: «страшно».

Он слегка повернулся назад и сказал как можно громче и спокойнее:

– Ничего, держись крепче!

Стрекоза мчалась, плавно взлетая на воздушные горы и стремительно скатываясь вниз.

– Ой, Карик, – визжала Валя, – она хочет сбросить нас!

Но Карик не слышал Валиных слов.

Он следил внимательно за работой слюдяных стрекозиных крыльев.

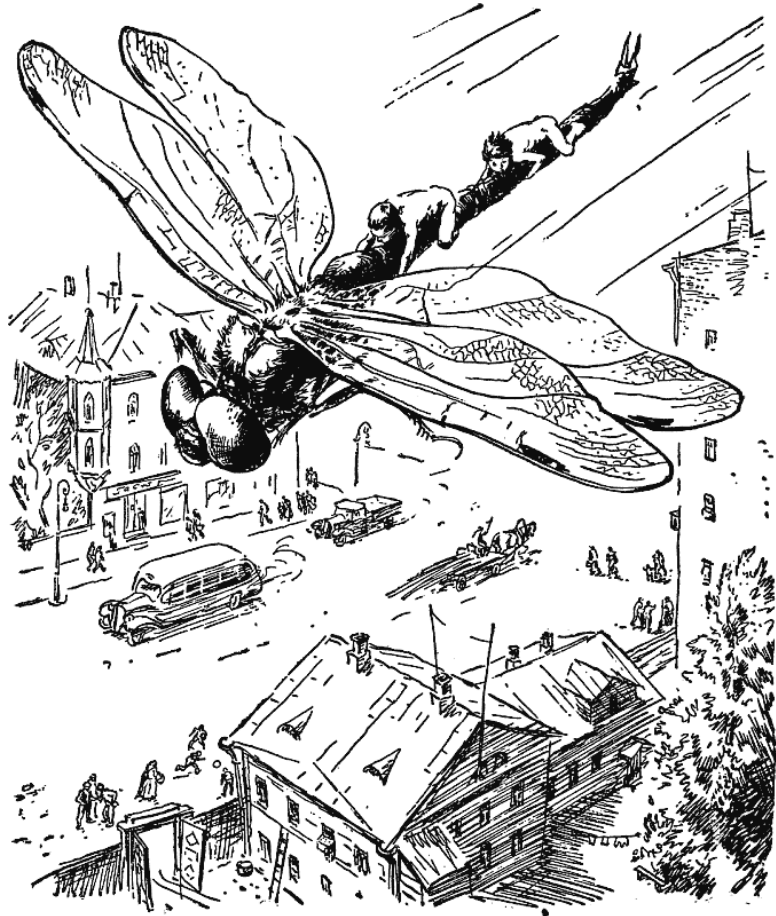
Два передних крыла стояли в воздухе почти неподвижно. Их движения были еле заметны. Изредка они выгибались то вверх, то вниз, и тотчас же стрекоза или опускалась ниже, или взлетала ещё выше.

Этими крыльями она, как видно, управляла при полёте. И они же поддерживали её в воздухе.

Но зато два задних крыла мелькали, как пропеллеры. Они гудели и выли, быстро загребая воздух, и, отталкиваясь от него, гнали стрекозу вперёд.

Но вот задние крылья начали приподниматься вверх и

вдруг встали ребром, как паруса. В спину подул ровный ветер. Стрекоза бесшумно, как воздушная яхта, поплыла в воздухе.

– Ой, как интересно! – зашептала Валя. – Вот бы такой самолёт построить!

Карик искоса взглянул на сестру и недовольно шмыгнул носом. Её легкомыслие начинало сердить Карика.

– Сиди и молчи! – сказал он, хмуря брови.

Но Валя не могла сидеть молча; да и как можно было молчать!

Мимо, точно встречные поезда, проносились, обдавая ребят ветром, огромные крылатые звери. Они пролетали так быстро, что даже нельзя было понять, кто они такие. Птицы? Пчёлы? Стрекозы?

Валя то и дело кричала:

– Кто это? Кто? Ты видел, Карик?

Они чуть было не столкнулись в воздухе с каким-то гигантским, величиной с танк, жуком. Весь разукрашенный золотыми и фиолетовыми красками, он так ослепительно сверкал на солнце, что на него невозможно было смотреть.

Жук летел прямо на стрекозу. Столкновение казалось неизбежным, но вдруг он с такой же быстротой, и даже не поворачиваясь, помчался назад.

– Задний ход! – закричала Валя. – Он может лететь задним ходом. Ты видел?

Внезапно под крыльями что-то зажужжало, завывало. Откуда-то снизу вынырнуло волосатое круглое животное. Поджав под себя мохнатые ноги, оно с гудением мчалось навстречу, бросаясь из стороны в сторону. Зеленоватые крылья животного сияли на солнце, то вспыхивая яркими зелёными и синими огнями, то угасая.

– Кто? – спросила Валя.

– Муха! Только очень большая! Как под микроскопом!

Расстояние между мухой и стрекозой становилось всё меньше и меньше. Теперь и Валя узнала муху. Она была такая большая, как на плакатах: «Берегись мух – они распространяют заразу».

Но не успела Валя подумать о том, какую же заразу несёт муха, как та вильнула в сторону и понеслась куда-то вниз.

Стрекоза повернула, точно на стержне, свою огромную голову вправо, влево, вверх, вниз, сверкнула голубовато-зелёными хрусталиками огромных глаз и кинулась вслед за мухой.

– Ай! – закричала Валя, хватая Карика за ногу.

– Держись! – ответил Карик.

Начались крутые повороты, стремительные спуски, подъёмы. Преследуя муху, стрекоза то падала вниз камнем, то описывала петли, то скользила боком и, наконец, налетев на муху, протянула к ней огромные, покрытые шипами клещи.

Муха перевернулась и помчалась на спине, ногами вверх. Ноги её угрожающе вытягивались, стараясь оттолкнуть прочь стрекозиные клещи.

Но это не помогло мухе.

Стрекоза нагнала её. Клещи сомкнулись.

«Ж-ж-ж», – затрещала крыльями муха.

Клещи щёлкнули, как ножницы.

Хлоп!

Хлоп! И на землю полетели, медленно кружась в воздухе, крылья и ноги несчастной мухи.

Снова щёлкнули сильные, крепкие клещи. Они скомкали, смяли, сплющили муху в лепёшку и сунули её в широкий чёрный рот.

Карик и Валя молча взглянули друг на друга.

Так вот она чем питается, стрекоза.

– А ты говорил – соком цветов! – шепнула Валя.

Ей стало страшно. Уж если стрекоза пожирает таких больших мух, то Карика и Валу она шутя проглотит и даже не заметит.

Ребята притихли.

Далеко впереди мелькнули огромные цветные крылья. На концах крыльев темнели крупные бархатные пятна. По краям тянулись ровные полосы, будто траурная кайма. Крылья танцевали, прыгали в воздухе, поддерживая изгибающееся тело, похожее на полосатый дирижабль. Длинные усы с набалдашниками на концах дрожали, то опускаясь вниз, то поднимаясь вверх.

Подлетев ближе, ребята увидели на крыльях красивую чешую, покрытую цветной пушистой пылью.

Крылья бестолково кружились в воздухе, трепетали, как паруса на ветру.

Но вот радужное животное заметило стрекозу. Оно засуетилось, мягко захлопало крыльями, потом, сложив их, начало стремительно падать вниз – туда, где быстро мелькали

леса, поля и озёра.

Однако уйти от стрекозы ему не удалось.

Стрекоза ринулась за ним, ударила его с налёта грудью, отбросила в сторону, и, когда радужное животное перевернулось в воздухе, она схватила его, свернула ему голову и, оборвав крылья, сожрала в один миг. И снова помчалась, как самолёт; могучие крылья её загудели, и над головой опять запел протяжно ветер.

– Кого это она?

– Бабочку! – крикнул сквозь шум ветра Карик. – Кажется, бабочку!

Стрекоза, как видно, была в этот день очень голодна. Скоро она догнала и проглотила ещё одну муху, ещё одну бабочку – на этот раз белую с голубыми пятнами, потом комара.

– Ну и обжора! – закричал Карик.

Валя только зябко поёжилась.

По небу ползли облака.

Время от времени они заслоняли солнце, и тогда землю покрывали холодные синие тени.

И тут ребята с удивлением заметили, как странно ведёт себя стрекоза, когда облака набегают на солнце.

Лишь только солнце пряталось, стрекоза становилась какой-то вялой и медленно, как планер, скользила вниз.

Но стоило солнцу выглянуть из-за туч, стрекоза оживала. Лёгкий взмах крыльев – и она стремительно взлетала вверх и снова принималась за охоту.

– Карик! – крикнула Валя. – Ты замечаешь, что с ней делается?

– Да, да! – кивнул головой Карик.

Он замечал ещё и кое-что другое.

Попадая в потоки солнечных лучей, тело стрекозы раздувалось, становилось крепким и гладким. Но как только набегала холодная тень от облаков, оно сжималось, морщилось и начинало пружинить, точно сиденье очень старого кресла.

Казалось, солнце нагревало внутри стрекозы воздух и он распирает её; но стоило стрекозе попасть в холодную, теневую полосу, её тело снова сжималось, становилось дряблым, как воздушный шарик, который проткнули иголкой. Так оно и было на самом деле, но этого ребята не знали, а поэтому они никак не могли понять странного поведения стрекозы.

Охота продолжалась.

Стрекоза пожирала мух, бабочек и комаров без устали.

Если бы ребята решили дать своему живому самолёту какое-нибудь имя, то лучше, чем «Смерть комарам и мухам», пожалуй, они не могли бы придумать.

В погоне за белой бабочкой стрекоза сделала резкий поворот. Валя соскользнула со спины крылатой обжоры и непременно упала бы на землю, если бы не успела ухватиться за ноги Карика. Но и сам Карик тоже еле-еле держался на стрекозе.

– Помоги! – закричала Валя.

– Не... Не могу! – хрипел Карик.

Валя тянула его вниз, как тяжёлая гирия. Напрасно он хватался руками за гладкие, упругие стрекозиные бока. Руки его одеревенели. Пальцы скользили. С отчаянием погибающего он упёрся в крыло стрекозы подбородком и обхватил одной рукой упругое тело обжоры.

Но забраться обратно ему было не под силу.

– Нет! Не могу больше! – закричал Карик.

Глубоко внизу, точно в бездонной пропасти, плыла под ногами синяя поверхность огромного озера. Зелёные камыши поднимались над водой, теснясь вдоль берегов. Белые чаши водяных лилий стояли, точно впаянные в спокойную синеву озера.

Стрекоза сделала резкий разворот.

В грудь Карика ударил встречный мощный поток воздуха, руки скользнули последний раз по гладким бокам стрекозы.

Карик закрыл глаза, и вдруг сердце его ёкнуло, замерло; под ногами всё провалилось, в ушах засвистел, завыл протяжно ветер.

Ребята полетели вниз.

– И-и-и! – завизжала Валя.

– А-а-а! – закричал Карик.

Они летели, кувыряясь через голову.

Несколько раз небо и земля поменялись местами.

Небо.

Земля.

Небо.

Земля.

У-ух!

Взметнув фонтаны брызг, ребята врезались в зеркало пруда и камнем пошли ко дну, рассекая воду, плотную, как студень, и прозрачную, как стекло.

Ударившись ногами о дно, они пробкой вылетели обратно, на поверхность, и отчаянно забили по воде руками и ногами. Оглушённые падением, они кружились на одном месте, ничего не понимая, ничего не соображая.

Первым пришёл в себя Карик.

– Надо плыть скорее к берегу! – крикнул он, выплёвывая воду.

– А где берег? – спросила Валя, захлёбываясь.

Карик мотнул головой в ту сторону, где вдали виднелась высокая зелёная стена леса.

– Ох, доплывём ли? – захныкала Валя.

– Конечно, доплывём! – уверенно сказал Карик. – Только не надо торопиться, а как устанешь – скажи мне. Будем отдыхать на спинке. Ну, плыви за мной!

И они поплыли к берегу, поднимая брызги, фыркая и отдуваясь.

Вдруг Валя вскрикнула:

– Смотри! Кто это? Он прямо на нас бежит.

Какое-то странное животное скользило по воде на высоких полусогнутых ногах.

– Кто?

– Не знаю! – шепнул Карик, втягивая голову в плечи.

– Кусается?

– Не знаю!

Животное скользило, как конькобежец по льду, приближаясь к ребятам с каждой минутой.

– А этот... Не такой, как стрекоза? – спросила шёпотом Валя.

– Не знаю... Но ты приготовься на всякий случай... Если нападёт, ныряй как можно глубже.

Широко расставив длинные ноги, животное мчалось по зеркалу воды, ловко перепрыгивая с разбегу через водяные растения.

Коньки-поплавки оставляли на воде волнистый, еле заметный след.

– Да это же водомерка! – вскрикнул Карик. – Ну да, конечно. Обыкновенная водомерка. Только гораздо больше.

Водомерка-великан приближалась с невероятной быстротой. Бурое тело, покрытое снизу беловатыми волосками, слегка покачивалось на ходу. Большие шарообразные глаза пристально смотрели на ребят. На крутых поворотах водомерка откидывала назад и в стороны задние ноги и тянула их за собой, слегка поворачивая то вправо, то влево. Видимо, они служили ей рулём. Водомерка мчалась прямо на ребят.

– Ай! – крикнула Валя.

Водомерка мотнула головой и подняла вверх длинный, как копьё, и острый, как игла, хобот. Он был покрыт, словно ржавчиной, бурой засохшей кровью. Конец его дрожал, словно расправленная стальная пружина.

– Она убивает этим! – закричала Валя.

Водомерка придвинулась ещё ближе. Приподняв над водой передние ноги, она нацелилась копьём прямо на Валу.

Но тут Карик схватил сестру за руку и потянул под воду. Ребята нырнули. Там, где только что плыли Карик и Валя, остались лишь круги на воде и мелкие пузыри.

Водомерка растерянно повела по сторонам круглыми глазами. Она ничего не понимала. Ведь только что добыча была

под самым носом – и вдруг...

Что это значит?

Водомерка ещё раз посмотрела по сторонам и, прижав плотно хобот к белому брюшку, помчалась дальше, скользя по водяной плёнке.

Фыркающая и отплёвывающаяся, ребята вынырнули из-под воды.

– Где она? – спросила, тяжело дыша, Валя.

– У-уф! Не знаю! – тихо ответил Карик. – Кажется, укачала.

– Куда?

– Давай к берегу, – рассердился Карик. – Плыви и не разговаривай.

Некоторое время ребята плыли молча, боязливо оглядываясь по сторонам.

– Ой, что это? – вдруг снова захныкала Валя, почувствовав, как ноги её зацепились под водой за какие-то спутанные сети.

Она дёрнулась раз – держит, дёрнулась посильнее, но сети опутали пальцы, обмотали всю левую ногу почти до колена. Валя попробовала помочь правой ногой, но сотни тонких, крепких нитей оплели и эту ногу.

– Ну, что ты там? – обернулся к сестре Карик.

– Сети! – крикнула Валя. – Меня кто-то держит! Какие-то сети под водой...

Карик, фыркающая, вернулся обратно и протянул Вале руку.

– Давай хватайся!

Но не успел он дотянуться до Вали, как почувствовал, что и его ноги запутались.

Ребята изо всех сил хлопали по воде руками.

Вода забурлила, как в котле.

– Ой! Ой! – захныкала Валя. – Не могу... Никак не могу...

– Сильней! Сильней! Не поддавайся!

Но всё было напрасно. Сдвинуться с места ребята уже не могли. Крепкие, липкие сети, опутав теперь не только ноги, но и всё тело, тянули их вниз, под воду.

Минута, другая – и вода с тихим всплеском сомкнулась над головами.

Захлёбываясь и пуская пузыри, ребята погружались всё глубже и глубже.

И вдруг чьи-то крепкие, упругие щупальца скользнули по их рукам и ногам, вырвали ребят из сетей и, крепко сжав, потащили куда-то вниз, на тёмное дно.

Ребята захлёбывались противной тёплой водой.

Перед глазами поплыли жёлтые рябые круги, в ушах запело, зазвенело тоненько-тоненько: «Ти-и-и-и-ить!»

Ещё секунда – и они задохнулись бы, но в это время что-то с силой подбросило Карика и Валу вверх, и их лёгкие сразу наполнились воздухом.

Глубоко вздохнув несколько раз, Карик раскрыл глаза. Он увидел мокрое испуганное лицо Вали. Она широко открывала рот, силилась что-то сказать, но изо рта лилась только вода.

Ребята болтались в воздухе. Их держала высоко над водой огромная мохнатая лапа.

Теперь можно было дышать, однако над головами вместо тёплого голубого неба и весёлого солнца висел тёмный, покрытый плесенью свод. Сырые мрачные стены поднимались из воды.

Валя заплакала.

– Ну что ж, – сказал печально Карик, – все люди когда-нибудь умирают. Не плачь, Валя!

Но сам он всхлипнул и зарыдал ещё громче Вали.

Чёрная вода забурлила, вздулась горбом – и вдруг горб лопнул.

Карик и Валя увидели медленно всплывающую жирную тушу. Потоки воды скатывались по огромным круглым бокам. Рядом с туловищем появились мохнатые ноги, ещё ноги и ещё ноги, и, наконец, сквозь слёзы ребята увидели всего паука-великана. Он покачивался на воде, рассматривая Карика и Валию холодными злыми глазами.

Восемь маленьких немигающих змеиных глаз смотрели на ребят, стерегли каждое их движение. Карик и Валя рванулись, но паук так крепко стиснул их своей лапой, что они даже не смогли крикнуть.

Восьмиглазое чудовище перевернуло ребят вниз головой, потом быстро-быстро завертело, закружило их... В глазах у ребят стало темно, в ушах зазвенело.

Карик и Валя потеряли сознание.

Глава 4

Профессор Енотов отправляется в странный мир. – Загадка простой паутины. – Первая охота. – Панцирь и копьё. – Ловушка. – Иван Гермогенович в опасности.

На вершине зелёного холма стоял профессор Енотов.

Белые брюки его были измазаны смолой и глиной. Галстук съехал набок. Помятая шляпа сидела на затылке, открывая красный потный лоб. Из густой бороды профессора торчали сухие веточки.

В одной руке Иван Гермогенович держал небольшой фанерный ящик. В другой – длинный тонкий шест. К концу этого шеста был привязан красный платок. Он развевался на ветру, как флаг.

– У-фу! – отдувался профессор, осматриваясь по сторонам. – Кажется, это здесь...

Внизу, у подножия зелёного холма, блестел на солнце тихий сонный пруд. На синей неподвижной воде чуть покачивались водяные лилии. В гуще камышей плескалась рыба.

Профессор поставил на землю ящик, а рядом воткнул шест.

– Ну что ж, начнём, – вздохнул Иван Гермогенович и, сбросив шляпу с головы на землю, принялся рвать траву обеими руками.

Нарвав целую охапку, он тщательно прикрыл травой фанерный ящик, потом подошёл к шесту, воткнул его поглубже, подёргал, качнул вправо, влево. Шест стоял крепко.

– Отлично! – сказал Иван Гермогенович.

Он засунул руку в карман и вытащил маленькую пузатую бутылку. Серебристые пузырьки поднимались со дна бутылки, сталкивались и лопались.

Иван Гермогенович разделся, бросил одежду на траву и

взял в руки бутылочку с серебристой жидкостью.

– Я думаю, этого хватит вполне! – сказал он.

Посмотрев по сторонам, он грустно вздохнул и, запрокинув голову, выпил залпом всё, что было в пузырьке.

– Ну вот и прекрасно! – пробормотал профессор и, размахнувшись, бросил пустой пузырёк в пруд.

Некоторое время Иван Гермогенович стоял на месте, задумчиво посматривая на широкие круги, которые бежали один за другим по воде, на свои руки, потом шагнул вниз к пруду и... словно растаял.

Там, где только что стоял большой человек, теперь одиноко торчал длинный шест с красным флажком, а внизу, около шеста, валялась помятая одежда, ботинки и полосатые носки.

* * *

Что же стало с профессором?

Проглотив жидкость, он стоял, переступая босыми ногами.

И вдруг всё вокруг начало изменяться чудесным образом.

Трава с удивительной быстротой потянулась вверх. Каждая травинка росла, набухала, становилась всё толще и выше.

Не прошло и минуты, как вокруг Ивана Гермогеновича зашумел густой лес. Блестящие зелёные стволы обступили профессора со всех сторон. Каждое дерево было похоже на

гигантский бамбук.

Высоко над вершинами деревьев тихо раскачивались огромные чаши красных, жёлтых, голубых цветов, осыпая лес золотистой пылью, от которой шёл пряный, одуряющий запах.

– Ну вот, ну вот, – сказал, потирая руки, Иван Гермогенович, – я так и знал. Конечно, этот травяной лес напоминает чем-то тропики.

В этом удивительном лесу не было мрака и тишины, как в старом сосновом бору. Не походил этот лес на берёзовую рощу, где листва шумит и шелестит не умолкая.

Нет, это был особенный лес.

Он весь светился, зелёный и солнечный. Голые блестящие стволы стояли на холмах и спускались в овраги. В лесу сияли синие озёра и тихо журчали ручьи.

Тишину то и дело нарушали странные шорохи. Казалось, где-то, совсем рядом, осторожно крались за профессором какие-то звери.

Идти было трудно. Тело царапали острые листья. Иван Гермогенович поминутно проваливался в ямы. Солнце припекало, и профессору казалось, будто он прогуливается в печке. Почва леса была похожа на поле битвы, изрытое артиллерийскими снарядами.

В густых зарослях то тут, то там висели липкие сети, и нужно было очень осторожно обходить эти ловушки.

– Паука работа! – бормотал Иван Гермогенович, проби-

раясь сквозь заросли.

Изредка Иван Гермогенович останавливался и долго стоял, рассматривая с любопытством искусную работу лесного ткача.

Но особенно внимательно профессор вглядывался в бесчисленные узелки, густо рассыпанные по всей паутине.

Ивану Гермогеновичу, конечно, было известно, что ловит насекомых не сеть, а именно эти крошечные липкие узелки. К ним, точно к свежему столярному клею, прилипают крылья и лапки насекомых, и тогда насекомое становится добычей паука.

Всё это было давно известно профессору, но одно дело – знать, другое дело – видеть своими глазами.

Прошёл уже целый час, а Иван Гермогенович совсем забыл, где он находится и даже зачем пришёл сюда. Ему казалось, что он сидит у себя в кабинете, склонившись над микроскопом, и перед ним, один за другим, проходят его старые знакомые.

Но что микроскоп?! Разве через стёкла микроскопа увидишь всего паука сразу?

Конечно, нет.

Микроскоп позволяет рассмотреть только глаз паука, или кончик его ноги, или коготок, похожий на гребень, или узел паутины. А тут перед профессором сидел весь паук, огромный как бык, и можно было сразу разглядеть все его восемь глаз, две пары челюстей, восемь ног с коготками-гребнями

и вздутое мягкое брюхо.

Но больше всего радовало Ивана Гермогеновича то, что паук был живой и охотился.

Под микроскопом – даже под самым совершенным микроскопом – нельзя было увидеть, как паук ловит свою добычу. А вот сейчас профессор мог наблюдать это на расстоянии вытянутой руки.

Паук охотился.

Огромный свирепый хищник сидел, притаившись, около расставленных сетей. Прямо к нему тянулась сторожевая нить. Паук сидел, как рыбак на берегу, и ждал.

Вот-вот дёрнется нитка – и тогда он бросится на свою добычу, вонзит в неё когти с ядом, убьёт и высосет из неё кровь.

Профессор смотрел на раскинутую сеть, позабыв всё на свете. И вдруг в воздухе, над его головой, что-то прожужжало, точно снаряд, и с воем врезалось в сеть.

Сеть вздрогнула, заплясала.

– Ага! – крикнул Иван Гермогенович. – Есть одна!

В сетях билось, извиваясь и барахтаясь, огромное крылатое животное.

Оно было побольше паука, во всяком случае – длиннее его. Прозрачные, покрытые жилками крылья выгибались дугой, пытаясь оторваться от липких узелков паутины, но выбраться из сетей было не так-то просто.

«Оса! Ну да. Она самая», – решил Иван Гермогенович.

Он подошёл поближе к сети и, покашливая, тихо стоял, наблюдая за борьбой паука и осы.

Паук, опираясь на гребни ног, быстро заскользил по своей паутине, прочёсывая её ногами. Он обежал вокруг осы раз, другой, потом осторожно стал подкрадываться к ней сзади.

Оса стреканула острым жалом.

Паук отпрыгнул назад и снова закружился, забегал вокруг осы. Но стоило ему только приблизиться к ней, как оса выгибала своё коленчатое брюхо и угрожающе вытягивала вперёд гладкое острое жало.

Паук попробовал напасть на неё сзади, сбоку, но всякий раз его встречало изгибающееся, как шпага, осиное жало.

– Любопытно, очень любопытно! – бормотал профессор, наблюдая за борьбой осы и паука.

Наконец, после бесплодных попыток, паук вынужден был отказаться от борьбы с опасной добычей.

Описывая широкие круги, он суетливо побежал по своей паутине, сотрясая её и заставляя осу прыгать, как в люльке.

Оса забила ещё сильнее.

Бегая вокруг неё, паук торопливо обрывал нитку за ниткой. Наконец оса рухнула, увлекая за собой сеть на край глубокого оврага.

Беспомощно барахтаясь и запутываясь всё больше и больше, она покатила вниз по крутому склону; следом за ней посыпались комья земли и камни.

– Ага! Ага! Вот это прекрасно! – обрадовался Иван Гер-

могенович. – Это мне как раз на руку.

Он побежал к оврагу и посмотрел вниз.

На дне оврага билась и корчилась покрытая сетями огромная оса. Она выгибала полосатое туловище, каталась по земле, стараясь освободиться от паутины, но паутина всё плотнее опутывала её крылья, ноги, голову.

Профессор побежал по краю оврага, озабоченно посматривая под ноги.

И вот наконец он нашёл то, что искал, – большую каменную глыбу с острыми углами.

Поднять её профессор, пожалуй, не взялся бы. Глыба была в несколько раз больше Ивана Гермогеновича. Но, к счастью, она висела над самым краем оврага. Нужно было только качнуть её хорошенько, подтолкнуть, и она обрушилась бы вниз, прямо на дно.

Профессор упёрся ногами в землю и принялся раскачивать глыбу.

Работа была нелёгкая.

Глыба шевелилась, качалась, как гнилой зуб. Но всё же держалась крепко. Профессор пыхтел как паровоз.

– Врёшь! Врёшь! – бормотал он, нажимая на глыбу плечом. – Качаешься – значит, упадёшь.

Всего только каких-нибудь полтора часа назад Иван Гермогенович мог бы столкнуть этот камень в яму одним щелчком, но теперь это было уже не так просто.

Профессор раскраснелся, запыхался. Лицо его покрылось

ПОТОМ.

– Отдохнём немного, – сказал, тяжело дыша, Иван Гермогенович и вытер ладонью потное лицо.

Он присел на камень.

Почти над самой его головой сновал паук, сооружая новую сеть. На брюхе паука Иван Гермогенович разглядел четыре вздувшихся, точно бурдюки с вином, бугра.

– Паутинные бородавки! – вспомнил профессор.

Однако теперь было бы смешно называть эти мешки бородавками. Каждый из них был значительно больше головы профессора. Иван Гермогенович без микроскопа видел в паутинных бородавках сотни дырочек, из которых сочились капельки тягучей жидкости. Они вытягивались, как нити, тянулись за пауком и тут же свивались в толстые тросы с блестящими клейкими узлами.

В несколько минут паук закончил починку разорванной сети и тотчас же, накинув на неё сторожевую паутину, забрался с концом этой паутины в укромный уголок.

– Ну а я что же! – рассердился Иван Гермогенович. Вскочив на ноги, он собрал все силы и упёрся плечом в глыбу. – А ну, взя-яли!

Толчок.

Ещё толчок.

– Эй, ухнем! Эй, ра-аз!

Глыба закачалась, повисла над оврагом, как бы в раздумье, и вдруг, с гулом и грохотом, обрушились вниз, подни-

мая столбы пыли. Когда пыль рассеялась, Иван Гермогенович закричал радостно:

– Ур-ра-а!

Глыба лежала на дне оврага.

Под глыбой извивалась, судорожно перебирая ногами, раздавленная оса.

Её длинное полосатое брюхо сжималось, растягивалось, как мехи гармоники.

– Отлично! Очень хорошо! – сказал Иван Гермогенович, потирая руки.

Недолго думая, он спустил с обрыва ноги и, цепляясь руками за корни и выступы камней, начал осторожно спускаться на дно. Когда Иван Гермогенович добрался наконец до осы, она уже не шевелилась.

Профессор толкнул её ногой, потрогал руками – оса не двигалась.

– Ну вот, – сказал Иван Гермогенович и, насвистывая что-то непонятное, спокойно принялся за работу.

Целый час он возился, пока ему удалось вытянуть из тела осы длинное, похожее на копьё жало.

– Прекрасное оружие! – сказал Иван Гермогенович, обтирая руками жало-копьё.

С таким копьём теперь уже не страшно было бродить в травяных джунглях, разыскивая Карика и Валу. В случае нападения профессор мог не только защищаться, но и сам нападать на тех, кто вздумал бы сожрать его.

Теперь следовало позаботиться и об одежде. Как-никак, а путешествовать по лесу голым профессор не собирался.

Ловко орудуя острым копьём, Иван Гермогенович разрезал паутинные сети, в которых запуталась оса, тщательно очистил их от липких узлов и обмотал вокруг себя. Мягкие шелковистые верёвки плотно обвили его тело. Костюм был, конечно, не слишком красив, но зато очень и очень прочен.

«Я в нём как в панцире!» – подумал Иван Гермогенович, с удовольствием осматривая себя с головы до ног.

Вскинув копьё на плечо, он бодро двинулся в путь, обходя глубокие ямы, перепрыгивая через рытвины и канавки.

Выбирая дорогу, Иван Гермогенович то и дело останавливался, подолгу стоял на одном месте, прислушиваясь к лесному шуму, а иногда прятался за могучими зелёными стволами, откуда опасливо поглядывал по сторонам.

Эти предосторожности были не лишними. Травяные джунгли кишмя кишели чудовищными животными.

Грохоча, словно листьями жести, над головой Ивана Гермогеновича пролетели стрекозы, более похожие теперь на гигантские самолёты, чем на обыкновенных насекомых.

Прыгая через вершины деревьев травяного леса, пронеслись зелёные, величиной с автобус кузнечики.

Раздвигая могучими телами чащи джунглей, ползли полосатые гусеницы. Они были так велики и производили такой шум, что профессору казалось, будто мимо него катятся прямо по земле товарные, тяжело гружённые поезда.

Изредка, быстро-быстро топоча ногами, припадая к земле длинными телами, пробегали сороконожки. Любая из ног этих тварей теперь легко могла бы сплющить профессора, вдавить его в землю.

Сражаться со всеми животными травяных джунглей было бы, конечно, просто глупо. Да и не было для этого у Ивана Гермогеновича ни времени, ни охоты.

Пробираясь к пруду, синеющему сквозь просветы между деревьями, профессор шёл, переходя от дерева к дереву, временами останавливаясь, чтобы получше разглядеть то дерево, то огромные, словно колокола великанов, цветы. Названия цветов Иван Гермогенович прекрасно знал; и в те дни, когда профессор был большим, обыкновенным человеком, он мог без труда сказать, как называется любой цветок; но сейчас он уже не назвал бы с уверенностью, пожалуй, ни одного цветка.

Все цветы были так огромны, что многие из них профессор никак не мог узнать, и это очень забавляло его.

– Ну, вот этот, например, – вздыхал Иван Гермогенович, поглядывая на голубой шар, похожий на гнездо аиста, – как же он называется в нашем мире?

Но кто же мог ответить теперь профессору на его вопросы? Над вершинами леса тихо качались розовые кувшины, гигантские жёлтые звёзды, красные шары, сиреневые корзинки.

Из шаров, точно иглы ежа, торчали во все стороны све-

кольно-красные трубы.

– Что же это такое? – заинтересовался Иван Гермогенович и, вдруг хлопнув ладонью по лбу, крикнул со смехом: – Клевер! Обыкновенный клевер!

Рядом с цветами клевера раскачивались в воздухе, вздрагивая и приплясывая, лиловые колокола. Они просвечивали на солнце, и земля под ними казалась тоже лиловой.

– Ну, вас-то я знаю! – весело сказал профессор. – О вас даже стихи написаны.

И он запел во весь голос:

Колокольчики мои,
Цветики степные...
Что смотрите на меня,
Тёмно-голубые?

– Глядеть-то на меня можете, – засмеялся Иван Гермогенович, – но вот если такой цветик оборвётся и упадёт на мою голову, я вряд ли останусь живым.

С любопытством разглядывая новый, незнакомый мир, Иван Гермогенович пробирался сквозь заросли травяных джунглей.

Скоро перед его глазами открылась необъятная водная гладь.

Вода сверкала на солнце, как огромное зеркало.

– Кажется, это должно быть здесь! – в раздумье сказал Иван Гермогенович.

Он вышел на опушку травяного леса.

Путь его пересекала длинная узкая канава, заполненная до краёв коричневой водой.

Иван Гермогенович разбежался, подскочил и легко перепрыгнул через канаву, но в ту же минуту он почувствовал, как земля под его ногами ползёт, оседает.

Профессор вскрикнул и, болтая в воздухе ногами, полетел вниз, в какую-то тёмную нору.

Упав на дно, Иван Гермогенович быстро вскочил на ноги, огляделся.

Над головой его синело далёкое небо.

Слабый свет освещал чёрные стены норы, густо оплетённые подземными корнями. Прямо перед собой Иван Гермогенович заметил вход в чёрный тоннель.

Профессор нагнулся.

Из тоннеля в лицо дохнуло сыростью и холодом.

– Н-да, – сказал Иван Гермогенович.

Он отошёл от тоннеля и полез по отвесной стене норы, цепляясь руками и ногами за подземные корни.

Он уже почти добрался до самого края; оставалось только протянуть руку, и солнце снова засияло бы над его головой, но в ту самую минуту, когда голова профессора высунулась из норы, он увидел прямо перед собой безобразную морду какого-то чудовища.

– Извините! – вежливо сказал профессор и тотчас же, торопливо втянув голову в плечи, юркнул обратно в нору.

Чудовище, шевельнув огромными лапами, повернулось к профессору, и глаза их встретились.

«Жук, – чуть не крикнул Иван Гермогенович, – жук-навозник!»

Жук катил к норе огромную серую грушу, которая, пожалуй, не поместилась бы даже в самой большой комнате, если бы вдруг весь мир наш уменьшился так же, как Иван Гермогенович. Подталкивая грушу, жук придвинул её к самому краю норы, и не успел профессор вспомнить латинское название жука, как гигантская груша закупорила нору и закрыла собой небо.

В норе стало темно.

Испуганный профессор быстро вскарабкался по стене и изо всей силы стал толкать грушу плечом и головой. Он старался открыть выход из подземелья, но всё было напрасно.

Груша не поддавалась.

Он нажал сильнее, но как раз в это время жук-навозник навалился сверху на грушу с такой силой, что она закупорила нору, как пробка бутылку.

Сильный толчок сбросил профессора вниз.

На голову посыпалась земля, в грудь больно ударил острый камень.

– Та-ак... – крякнул профессор.

Потирая ушибленную грудь, он попытался подняться и вдруг почувствовал, что в этой тёмной норе он не один.

Профессор быстро оглянулся.

Сзади за его спиной кто-то шевелился, медленно и осторожно подкрадываясь к нему.

Иван Гермогенович пошарил вокруг себя руками. Пальцы его нащупали копьё. Он крепко сжал его и, вскочив на ноги, прижался к стене.

«Тцз-а-анк», – щёлкнуло совсем рядом.

Профессор услышал прерывистое дыхание.

Он замахал перед собой копьём и хрипло закричал:

– Кто? Кто там?

Глава 5

В плену у паука. – Битва в подводной тюрьме. – Растение-бродяга. – Скверное положение. – Карик находит выход.

Карик открыл глаза и вдруг вспомнил всё. Вспомнил, как они с Вале́й летели на стрекозе. Вспомнил страшный хобот водомерки, сильные мохнатые лапы паука.

Вокруг было темно и пахло сыростью. Где-то внизу, под ногами, тихо плескалась вода. Рядом с Кариком кто-то очень-очень тихо дышал.

Карик лежал, вытянувшись во весь рост, но никак не мог понять, на чём же он лежит. В голове у него шумело, руки и ноги одеревенели. Он застонал и тотчас же услышал испуганный голос Вали:

– Тише! Он здесь!

Карик повернул голову и стукнулся лбом о Валин висок.

Валя тихо вскрикнула.

Карик попробовал отодвинуться от неё подальше, но не мог: кто-то обмотал его и Валю с ног до головы толстыми верёвками и крепко-накрепко привязал друг к другу.

Карик рванулся посильнее, и вдруг от сильного толчка он и Валя начали раскачиваться, как на качелях, из стороны в сторону.

– Тише! – быстро зашептала Валя. – Тише, пожалуйста! Он внизу.

– Паук?

– Ага... Он сейчас возился там... Я слышала...

– Тебе страшно?

– Очень. А тебе?

– Тоже страшно, только ты не плачь. Сначала попробуем как-нибудь освободиться.

Карик раздвинул головой верёвочные сети и огляделся. Внизу чернела вода, из которой поднимались тёмные гладкие стены, а над головой – покаты́й потолок.

Ребята висели в воздухе посреди норы.

– Понимаешь, – прошептал Карик, – он подвесил нас.

Прицепил к потолку.

– Ага, – кивнула Валя, – подвесил, я уже давно это поняла.

– А зачем?

– И я думаю: зачем?

– Ничего не придумала?

– Нет.

Карик с трудом выдернул из паутинных верёвок сначала одну руку, потом другую.

– Что ты делаешь, Карик?

– Тише! Молчи!

Стараясь не дышать, Карик окончательно высвободил голову и стал смотреть вниз. Внизу, как раз под ребятами, сутился паук. Он беспокойно бегал по воде вдоль стен своего жилища, время от времени останавливаясь и как будто к чему-то прислушиваясь. Сверху, с потолка, отрывались водя-

ные шары-капли и звонко шлёпались о поверхность чёрной воды. К потолку взлетали фонтаны брызг.

До слуха Карика донёсся глухой шум. Где-то совсем рядом – кажется, за стеной – не то стучали, не то скребли. Было похоже, что там бродит человек, шарит по стене, отыскивая дверь.

Этот шум определённо беспокоил паука. Он то и дело подскакивал к стене, ждал чего-то, потом, шевеля длинными лапами, пятился в сторону.

– Ты слышал? – тихо сказала Валя. – За стеной шумит кто-то.

– Да, да, – зашептал Карик, – я слышу.

Шум становился всё сильнее и сильнее.

Казалось, в стену били мягкими, но увесистыми кулаками.

– Сюда кто-то лезет! – шепнула Валя.

В ту же минуту стены подводного дома дрогнули так сильно, что ребят подбросило в их паутинной люльке вверх. Люлька ударилась о стену и закачалась, точно маятник.

– Смотри: паук-то, паук! – зашептала Валя.

Паук выскочил на середину норы, беспокойно перебирая ногами, и уставился всеми глазами на стену своего жилища.

И вдруг стена треснула. В воду посыпались куски, похожие на штукатурку. В проломе стены показались большие мохнатые лапы. Лапы с силой рванули стену. Подводный дом задрожал, закачался. Люльку с ребятами начало кидать от

одной стены к другой. Стена рухнула. С шумом и плеском в подводное жилище ворвался толстый паук, похожий как две капли воды на хозяина подводного дома. Он подобрал под себя коленчатые ноги, как бы приготавливаясь к прыжку, и тихо-тихо стал продвигаться вперёд.

Хозяин подводного дома взмахнул щупальцами.

Пауки смотрели друг на друга выжидающе.

Потом хозяин поднял щупальца высоко над головой и стремительно бросился на непрошеного гостя.

В темноте началась жестокая битва.

Щупальца свистели в воздухе, шлёпали по воде. К потолку взлетали брызги, и скоро стены покрылись дрожащими каплями воды.

Битва пауков сотрясала подводный дом так, что дрожмя дрожали стены, качался купол, а вода кипела внизу, словно в котле.

От сильных толчков начала раскачиваться люлька, в которой лежали ребята, и с каждым новым толчком она взлетала всё выше и всё чаще ударялась то в одну, то в другую стенку.

Перед глазами Карика и Вали мелькали, точно в кино, стены, купол, пауки, вода и снова стены, купол, вода.

Пауки бились молча.

Они оплетали друг друга мощными лапами, раскачивались, как борцы в цирке, потом вдруг отскакивали один от другого, насторожённо поглядывали свирепыми глазами друг на друга и снова, словно по команде, кидались в бой,

и тогда опять клокотала и пенилась внизу вода, а стены подводного дома тряслись от могучих толчков так, как будто началось землетрясение.

Ребята следили за битвой страшных пауков, не смея даже дышать.

– Ой, Карик, – вдруг захныкала Валя, – ой, куда мы попали? Никто теперь не узнает... Ни мама... никто, никто...

– Тише ты! – захрипел Карик. – Болтаешь тут, а надо бежать... освободиться как-нибудь. Молчи, пожалуйста; кажется, я освобожу сейчас ноги.

От сильных толчков и раскачивания паутинные верёвки ослабели. Помогая друг другу освободиться от верёвок, ребята, хотя и с большим трудом, всё-таки выбрались из верёвочной люльки.

Руки и ноги Карика и Вали были свободны, но что же, однако, делать, если пауки нападут на них?

Сражаться с такими чудовищами было не под силу Карику и Вале.

Некуда было бежать, негде было и спрятаться.

– Ничего, ничего, Валька! Не бойся! – прошептал Карик дрожащими губами. – Как-нибудь выйдем отсюда. Ты только не плачь, пожалуйста!

– Я совсем даже не плачу! – всхлипнула потихоньку Валя и незаметно от Карика поспешно провела ладонью по глазам.

Поглядывая на пауков, Карик вылез осторожно из верёвочной люльки, протянул руку к толстому канату, который

спускался с потолка к люльке, и, держась за канат, встал во весь рост.

Внизу было тихо.

Вытянув шею, Карик смотрел на пауков и что-то бормотал под нос. В эту минуту он был похож на судью ринга, который стоит над боксёром, сбитым на землю, и считает:

– Раз, два, три... пять... семь... девять!

Если сбитый на землю боксёр не может подняться после того, как судья скажет громко: «Девять», значит, боксёр считается побеждённым.

А Карик считал всё громче и громче.

– Сто один, сто два, сто три, сто четыре... Ура! – вдруг закричал он. – Оба готовы! Смотри, Валя, они не шевелятся! Вставай! Я же говорил тебе – не надо плакать. Теперь нам только бы выбраться отсюда поскорее!

Валя поднялась и встала рядом с братом.

– Да, – сказала она, вздохнув, и посмотрела по сторонам, – а как же нам выбраться? Ты знаешь?

– Ерунда! – уверенно сказал Карик. – Какой-нибудь вход и выход тут должен быть.

– А может быть, и не должен!

– Вот здорово! – усмехнулся Карик. – А как же, по-твоему, нас притащил сюда паук? Надо искать вход и выход! Он должен быть здесь! Смотри получше!

Ребята свесили головы, но Валя не видела ничего, кроме пауков. И это было немудрено, потому что она смотрела

только на них, всё ещё не веря, что они погибли в жаркой схватке.

Безжизненные туши пауков покачивались на тёмной воде, погрузив морды в воду.

Волны загнали пауков к пролому в стене, и они лежали на воде бок о бок, рядом, не обращая друг на друга внимания.

В подводном доме наступила такая тишина, что стали слышны тихие всплески воды и шум капель, падающих на воду с обрызганных стен и купола подводного дома.

– Сдохли! – радостно крикнул Карик.

Он нагнулся, вытянул шею и плюнул сначала на одного паука, потом на другого.

Пауки не шевелились.

Ребята посмотрели друг на друга: сдохли или не сдохли?

Карик крикнул:

– Эге-ге-гей!

Пауки плавали, точно кожаные подушки, надутые воздухом.

– Сдохли! – уже совсем уверенно сказал Карик и, смерив глазами расстояние до воды, выпустил из рук верёвку. В воздухе мелькнули руки и ноги, и Карик камнем упал в воду.

– Карик! Сумасшедший! – закричала Валя, с тревогой взглянув на взметнувшийся вверх фонтан брызг.

Голова Карика показалась на поверхности воды. Вынырнув, он осмотрелся по сторонам и поплыл к паукам сажёнками.

– Карик! – завизжала Валя. – Вернись! Они ещё дышат!

Но Карик, не обращая внимания на крики сестры, подплыл к одному пауку и, подняв руку над водой, сильно хлопнул его по брюху.

Брюхо загудело, как барабан. Карик поспешно отплыл прочь, но, взглянув на паука, вернулся обратно и ударил его пяткой по голове. Паук не шевелился. Тогда Карик залез на тушу, как на плот, и встал во весь рост.

– Прыгай! – крикнул Карик, махнув Вале рукой.

– Нет! – мотнула Валя головой. – Тут высоко очень!

– Что ж, ты всегда сидеть там будешь? Всё равно придётся прыгать. Ну! Прыгай!

Валя тяжело вздохнула.

– Прыгай скорей, а то, может, сюда придут другие пауки, – тогда нам ещё хуже будет.

Валя закрыла глаза, разжала руки и, взвизгнув, грохнулась вниз. Карика ударил дождь брызг. Волны качнули пауков.

Фыркая и отдуваясь, Валя вынырнула из воды.

– Лезь сюда! – крикнул Карик, барабаня ногами по вздутому брюху паука. – Не бойся! Давай руку!

Бледная и дрожащая Валя подплыла к страшной туше, нащупала руками толстое мохнатое тело паука, но тотчас же, отдернув руку, испуганно вскрикнула:

– Ше-е-ели-ится!

– Не ври! Никто не шевелится! – рассердился Карик. – Ну, скорей!

Наконец, после долгих уговоров, Валя взяла руку, протянутую Кариком, и он втащил её на страшный плавучий островок.

Паук не шевелился. Бояться было нечего. Валя присела на корточки и стала выжимать мокрые волосы, а Карик встал во весь рост и принялся внимательно разглядывать мрачную нору паука.

– Надо уходить отсюда, – вздохнула Валя. – Надо поискать дверь.

– А вот она, дверь-то! – Карик протянул руку к чёрному пролому в стене.

Всплеснув ладонью над головой, он прыгнул в воду и быстро поплыл к пролому в стене.

Валя с беспокойством следила за Кариком, а когда он скрылся в темноте, она закричала:

– Ну что? Что там?

Карик молчал.

Валя взглянула под ноги и побледнела. Ей показалось, что паук начинает шевелиться.

– Ка-ари-ик! – закричала она.

Голос её прокатился под сводами и замер.

– Ка-ари-ик! – крикнула Валя ещё громче.

Она уже приготовилась прыгнуть в воду и поплыть за братом, но в эту минуту Карик показался в тёмном проломе.

– Чего ты кричишь? – сказал он сердито.

Увидев Карика живым и невредимым, Валя успокоилась. Она протянула брату руки и, помогая ему взобраться на паука, спросила:

– Ну, что ты видел? Там есть какая-нибудь дверь?

– Нет. Такая же нора, как наша, – ответил Карик, пожимая плечами.

– А есть там кто-нибудь?

– Никого!

Карик сел, подтянул колени к самому подбородку и, обхватив их руками, задумался.

– И двери нет?

– Нет!

– А что, если нам нырнуть под стену, Карик?

– Под стену?

Карик нагнулся. Свесив голову, он стал рассматривать тёмную воду.

Сквозь толщу воды было видно чёрное илистое дно пруда. Серебристые паутинные верёвки поднимались из чёрного ила к самым краям подводного колокола, удерживая его, не давая ему всплыть.

– Надо нырнуть под стену! – повторила Валя.

– А это ты видишь?

И Карик показал рукой на растянутые под водой сети, которые оберегали вход и выход в подводную тюрьму.

Нет! Нырять было страшно.

– Должна быть дверь! – сказал Карик. – Ведь мы же как-то вошли сюда.

Валя что-то промычала.

Карик взглянул на сестру и быстро схватил её за руку.

– Валя, что с тобой?

Она сидела бледная, широко открыв рот, хватаясь руками за горло.

– Душно, – хрипло сказала она, – мне... не хватает воздуха...

– Сейчас, сейчас! – растерянно забормотал Карик.

Но он не знал, как помочь сестрёнке, да и у него что-то

набухало в груди, распирая до боли рёбра.

В голове шумело, сердце сильно-сильно билось, будто Карик поднимался на крутую, высокую гору. Сырой тяжёлый воздух входил в лёгкие, как перегретый пар; он только стеснял дыхание.

Надо было что-то делать.

– Ты не бойся! – сказал Карик, тронув Валину руку. – Как-нибудь выберемся.

И снова, в сотый раз, стал осматривать подводную тюрьму. Голова Карика кружилась.

Он наклонился, зачерпнул пригоршней воду, плеснул на лицо, и вдруг рука его повисла в воздухе. Он увидел на чёрном илистом дне огромные зелёные яйца, расщеплённые с одного конца. Одно яйцо шевельнулось, медленно отделилось от ила и, стукнувшись о край подводного дома, взлетело куда-то вверх. Так же всплыло и исчезло второе яйцо.

Карик протянул руку Вале.

– Водокрас! Видишь? – сказал он дрожащим голосом.

Карик не ошибся: это почки водокраса – водяного растения. В большом мире он часто видел почки водокраса и теперь узнал их без особого труда. Вместе с другими юными натуралистами он собирал эти почки для школьного уголка юннатов и даже написал однажды об этом удивительном растении заметку для «Пионерской правды».

Водокрас – бродячее растение – путешествует всё лето по прудам и озёрам, гонимое ветром от берега к берегу. Корни

его, похожие на усики земляники, добывают питание прямо из воды. К концу лета на усиках появляются молодые побеги. Они выходят на поверхность воды и тут распускаются в листья, похожие на сердце, которое рисуют на картинках.

Зимой водокрас вмерзает в лёд и погибает. Но ещё раньше он успевает разбросать по дну свои удивительные почки.

Всю зиму почки – зелёные яйца – лежат на дне. А лишь только наступают тёплые дни, они наполняются газами и одна за другой всплывают наверх и здесь превращаются в плавающее растение.

Вот эти-то почки водокраса и увидел Карик.

Схватив Валю за руку, он быстро-быстро заговорил:

– Слушай! Эти штуки взлетают, как пробки... Надо нырнуть и схватиться за одну из них. Они сами нас вынесут наверх...

– А паутина? Смотри, сколько верёвок под водой.

– Всё равно надо попробовать... Ныряй скорей!

Как раз в эту минуту на дне зашевелилось гигантское зелёное яйцо. Раздумывать было некогда. Почка отделилась от чёрного ила и начала всплывать.

– Ныряй! – крикнул Карик.

Валя собрала все силы. Глубоко вздохнув, она оттолкнулась от паука и исчезла под водой. Карик видел, как, нырнув под стену, Валя ухватилась обеими руками за толстую почку водокраса и вместе с ней взлетела вверх.

Следом за сестрой нырнул и Карик.

Раскрыв под водой глаза, он добрался до зелёной торпеды. Она шевельнулась. Карик обхватил руками и ногами толстые скользкие бока и тотчас же завертелся волчком. Почка водокраса перевернулась несколько раз и вдруг стремительно помчалась вверх, пробивая толщу воды.

Наверное, долго всё-таки пришлось ей сверлить воду, потому что Карику уже нечем стало дышать. Ещё минута – и у него лопнуло бы от недостатка воздуха сердце, но, к счастью, в это самое мгновение он как пробка вылетел на поверхность воды.

В лицо ударили горячие лучи солнца. Ослеплённый ярким светом, Карик барахтался в воде и дышал.

Дышал легко, полной грудью.

Рядом плавала Валя, с жадностью глотая свежий чистый воздух.

– Эй, Валя, – засмеялся Карик, – жива? Дышишь?

– Дышу!

– Главное – не бояться ничего, – радостно сказал Карик, – не падать духом, не хныкать и не плакать. Уж если мы с тобой от такого страшного паука сумели уйти – значит, и до дома сумеем добраться.

Бедные ребята даже не подозревали, что придётся пережить им в этом незнакомом мире и какие опасности встретятся на их пути до возвращения домой.

Глава 6

Отважные водоплаватели. – Странные пассажиры. – Карик и Валя пробиваются сквозь водяные джунгли. – Поиск пищи. – Ребята находят удивительные ягоды. – На краю гибели.

Поднимая голову над водой, ребята смотрели по сторонам. Всюду, куда только хватало глаз, расстилалась синяя водная гладь, и только на западе, где опускалось солнце, чернела зубчатая стена леса.

Над лесом клубились облака.

– Надо как-нибудь добираться до земли, – сказал Карик, – а потом и до дома.

– Доплывём, думаешь? – спросила Валя, глядя на далёкий берег.

– Доплывём! – уверенно сказал Карик. – Вот на этих штукаках обязательно доплывём. Залезай на свой корабль.

Ребята сели верхом на зелёные торпеды.

Карик крикнул:

– Гребите ногами!

Ребята стали болтать в воде ногами, стараясь двинуться в путь, но огромные почки покачивались, не трогаясь с места.

– Стой! – крикнул Карик. – Перебирайся ко мне! Будем грести вдвоём.

Валя перебралась к брату. Почка водокраса погрузилась в

воду больше чем наполовину.

– Гребите! – сказал Карик.

Ребята дружно ударили по воде руками, как вёслами. Почка вздрогнула и медленно поплыла.

– Плывём! – закричала Валя.

– Полный ход! – крикнул Карик.

Сначала почка вертелась то вправо, то влево, но скоро дело наладилось.

Разрезая носом воду, зелёная торпеда помчалась к берегу.

Ребята гнали её вперёд и вперёд, усердно работая руками.

Со стороны берега доносился какой-то странный шум. Кажалось, кто-то шлёпал по воде не то доской, не то вёслами; и чем ближе ребята подплывали к берегу, тем явственнее слышался этот шум.

И вдруг совсем рядом оглушающе заревело зелёное чудовище.

«Ква-а-а-га-а-га-га», – разнеслось по воде.

Валя вздрогнула и чуть не свалилась с почки водокраса.

– Кто это? – прошептала она, переставая грести.

– лягушка!.. Наверное, лягушка... Обыкновенная лягушка, только побольше пятиэтажного дома. Не бойся.

– Да, – жалобно сказала Валя, – обыкновенная... Нас теперь даже муха может сожрать, не то что пятиэтажная лягушка.

– Ничего, – успокоил Карик сестру. – Такая лягушка не заметит нас.

Валя замолчала.

Ребята плыли теперь, огибая зелёные, изрезанные бухтами берега.

Из воды поднимались мясистые ярко-зелёные острова; они чуть покачивались, точно плоты на мёртвых якорях. Чтобы не налететь на них, нужно было зорко смотреть по сторонам.

– Как ты думаешь, что это такое? – спросила Валя, указывая на один из островов.

– Не знаю, – нерешительно ответил Карик, – наверное, листья какие-нибудь... Наверное, водяные растения.

То справа, то слева выбрасывались из воды круглые животные с гладкой, отполированной, точно кузов легкового автомобиля, спиной. Да и сами они были не меньше автомобиля. Расправив крылья, животные взлетали и снова падали в воду, поднимая тучи брызг.

В широкой протоке между островами ребята увидели коричневое волосатое чудовище на длинных изогнутых ногах. Оно сновало взад и вперёд, скользя по воде круглым толстым брюхом.

На спине толстобрюхого зверя сидело пять таких же, как он, зверят, но только очень маленьких.

Малыши вели себя спокойно.

Время от времени волосатый зверь вылавливал им что-то из воды. Тогда зверята мигом соскальзывали в воду и так же быстро возвращались обратно. В лапах у них были зажаты

куски какой-то снеди, которую они поспешно пожирали.

– Ещё какой-то паук! – шепнула Валя, переставая грести.

Почка остановилась, лениво покачиваясь на волнах.

– А на спине у него – паучата, – сказал Карик. – Подождём лучше немного, пускай они уйдут подальше.

Но тут из-за острова выскочил другой паук, такой же коричневатый и волосатый. На спине у него тоже копошились детёныши.

Пауки бросились один на другого.

Это были пауки-доломеды – надводные хищники. Они свирепо столкнулись друг с другом. Паучата кубарем слетели в воду.

Пока большие пауки дрались, их детёныши бестолково бегали по воде, быстро собирались в кучки и снова разбегались в стороны.

Но вот битва кончилась.

Один из пауков начал медленно погружаться в воду. Широкие водяные круги подхватили паучат, качнули их вверх-вниз.

Они запрыгали на волнах, точно неоперившиеся утята.

– Сейчас маленькие передерутся! – тихо сказала Валя.

Но малыши вряд ли могли сражаться. Они суетливо забегали по воде, налетали один на другого, кувыркались, а потом все кинулись к пауку-победителю и, толкаясь, проворно взобрались к нему на спину.

Карик и Валя переглянулись.

– Как ты думаешь, – спросила Валя, – сбросит он чужих паучат со спины или не сбросит?

Но паук-доломед и не заметил даже, что пассажиров на спине стало чуть ли не вдвое больше. Он спокойно стоял на воде, расставив длинные ноги, и ждал, пока все паучата усядутся. А когда все до одного уселись, он как ни в чём не бывало помчался вперёд и скоро исчез в лабиринте островов.

Ребята поплыли дальше.

– Интересно... – задумчиво сказала Валя.

– Что интересно?

– А интересно – что они ели, эти паучата?

Карик пожал плечами:

– Какую-нибудь гадость!

Валя вздохнула. Она вспомнила, что ничего ещё не ела со вчерашнего дня, и тихонько сказала:

– А может быть, это совсем не гадость. Сначала, может быть, невкусно, а потом привыкнешь – и ничего. Потом всё станет вкусно.

Время было обеденное.

Ребята задумались.

Что-то делают сейчас дома? Бабушка, наверное, накрывает на стол. Мама говорила вчера: «Обед будет очень вкусный. Не опоздайте смотрите».

– Как ты думаешь, – спросила Валя, – что у нас сегодня на обед?

– Кажется, окрошка и пирог с луком и яйцами.

Валя проглотила слюну.

– А может быть, борщ со свининой, с ветчиной или с сосисками. А на второе бифштекс с луком и поджаристой картошкой. Ты что бы лучше съела?

– Я? – Валя подумала немного и сказала: – Я бы сейчас съела корочку хлеба и... немножко сыру.

– А я, – сказал Карик, – я бы бифштекс. Только большой... Как тарелка... И много-много картошки с зелёным салатом, а потом я мог бы ещё съесть целый пирог и земляничный торт, а потом...

Валя перестала грести. Она повернулась к Карику и спросила:

– А что же мы будем обедать?

– Обедать сегодня не придётся.

– А ужинать?

– И ужинать не придётся.

– А завтракать?

– И завтракать не придётся.

– А что же придётся?

– Ничего, – сказал угрюмо Карик. – Придётся об этом не думать.

Валя вздохнула.

– Ну, греби! Давай к берегу поскорей! – крикнул Карик. – На берегу найдём что-нибудь.

– Хорошо бы найти землянику. Она теперь в десять раз больше нас. Наверно, такая большая, как копна сена. Зна-

ешь, в одной яголке можно будет сделать пещеру и жить в ней, а кушать можно стенки пещеры и потолок.

– Не болтай! – нахмурился Карик. – Гребь лучше, там увидим.

Валя замолчала.

Под дружными взмахами рук и ног почка мчалась к берегу, вспенивая воду, и сзади, точно водяные усы, тянулся длинный растекающийся след.

Берег приближался с каждой минутой.

Всё выше и выше поднимался из воды лес, и казалось, он сам плыл навстречу ребятам.

– А ну, нажми! – покрикивал Карик.

– Даю самый полный ход! – пыхла Валя.

Почка летела стрелой.

Не прошло и часа, как перед юными путешественниками вырос, заслоня солнце, высокий тростниковый лес. Густая холодная тень лежала на воде, и вода около леса была прохладная, не такая, как на солнце.

Почка плыла между могучими коленчатыми стволами; они росли прямо из воды. Вершины их уходили к самому небу.

– Тише гребь! – скомандовал Карик.

– А что?

– Тут кто-то есть! Слышишь?

Ребята перестали грести.

Карик прижал палец к губам.

Тревожно поглядывая друг на друга, брат и сестра молча прислушивались к нестройному шуму, который доносился до них из леса.

Кривые стволы качались, тёрлись один о другой и громко скрипели. В тёмной чаще леса, откуда тянуло холодом и сыростью, кто-то шумно плескался, кто-то пронзительно стрекотал, верещал.

Лес стоял, точно затопленный половодьем. Сквозь просветы блестели синие разводья, а дальше поднимались сплошные густые заросли.

По воде между тростниковыми деревьями носились странные быстроногие животные, а за ними вдогонку мчались другие, ещё крупнее и страшнее. Они настигали свою добычу и тут же пожирали её.

– Да, – сказал Карик и тихонько свистнул.

Валя поняла его без слов.

Испуганно поглядывая на брата, она спросила шёпотом:

– Обрато поедем? Да?

– Куда обрато? – сказал Карик, помолчав минуту. – Надо пристать к берегу, где нет этих страшилищ. Давай поищем другой берег.

Они выбрались из зарослей на чистую воду и погнали почку вдоль тростникового леса, то и дело оглядываясь, стараясь держаться от него подальше.

– Знаешь, – сказала Валя, – я предлагаю назвать этот берег «Джунгли кошмарных ужасов».

– Ну и глупо! – сказал Карик.

– Почему глупо? – удивилась Валя. – Все путешественники дают названия. Я сама читала у Жюль Верна.

Карик ничего не ответил. Посматривая на тростниковый лес, мимо которого они плыли, он насвистывал какую-то очень невесёлую песенку.

– Или, – говорила Валя, – можно назвать «Лес кровавых тайн».

– Ладно, – буркнул Карик, – греби знай.

Тростниковый лес понемногу редел и скоро совсем кончился. Справа потянулся пустынный берег, засыпанный жёлтыми, сверкающими на солнце камнями.

Было так жарко, что всё живое попряталось, отсиживаясь под листьями, под камнями. Ребята плыли теперь, не встречая ни одной живой твари. Путь был свободен.

Карик повеселел.

– Вот эти берега, – сказал он, показывая рукой на каменные завалы, – я назвал бы «Мыс добрых надежд».

– Почему мыс? Я не вижу никакого мыса.

– Это не важно, – ответил Карик, направляя почку к берегу, – может быть, пока мы тут путешествуем, и мыс какой-нибудь появится.

– А я...

– А я причаливаю! – закричал Карик, брызгая водой в лицо Вали. – Р-р-раз!

Ребята в последний раз взмахнули руками, и зелёная тор-

педа врезалась в каменистый берег.

От сильного толчка почка перевернулась. Карик и Валя полетели в воду, но быстро вскочили и, цепляясь руками за выступы жёлтых скал, вскарабкались на берег.

Камни были горячие от солнца. Валя села на один из них и сейчас же вскочила.

– Что? Кусается? – засмеялся Карик. – Как ты предлагаешь назвать этот камень?

Он приставил растопыренную ладонь козырьком к глазам, оглядел горизонт и сказал:

– А знаешь что?..

– Что? – робко спросила Валя.

– Ведь эти камни – песок. Когда мы были большие, он казался нам мелким, а теперь песчинка стала для нас как камень.

– Ну и что же?

Карик вздохнул и сказал:

– Говорят, в Африке пекут яйца, зарывая их в песок. Боюсь, как бы нам не поджариться на этих камнях.

Он потрогал рукой камень и покачал головой:

– Нет, тут нам нельзя высаживаться! Надо ехать дальше.

Ребята вернулись на свою зелёную торпеду, и почка снова тронулась в путь.

– Я предлагаю, – сказала Валя, – назвать этот берег...

– Тайной ужасных камней, – подхватил Карик и громко захохотал.

Валя обиженно замолчала.

Сдвинув брови, она сидела, усердно подгоняя зелёную торпеду руками и ногами.

Молчал и Карик.

Сколько времени гнали ребята почку водокраса вдоль жёлтого берега, они и сами не знали, но руки и ноги у них начали уставать.

– Если бы ты знал, как хочется есть! – заговорила Валя, нарушив долгое молчание.

– Знаю, – отозвался Карик, – у меня у самого все кишки слиплись.

– Хорошо бы, – сказала Валя, – поймать кого-нибудь и поджарить на этих камнях...

– Кого, например?..

– Ну, кого-нибудь... Бабочку... Стрекозу...

– Ты думаешь, это будет вкусно?

– Конечно! Ели поджарить, обязательно будет вкусно.

– А я, – признался Карик, – я и сырую, кажется, мог бы съесть... Бабочку!.. Только нам не справиться с ней.

Так, разговаривая, они доплыли до берега, покрытого зарослями травяного леса.

Над лесом поднимался знойный пар летнего дня. То тут, то там стояли узловатые стволы деревьев, похожие на баобабы, которые Карик и Валя видели на картинках.

– Тут, – закричала Валя, – должны быть ягоды! Уж это я знаю. В лесу всегда бывают ягоды. Давай причаливай скорее.

Почка остановилась у пологого берега. Ребята прыгнули на землю и, спотыкаясь, побежали к лесу.

В лесу было душно.

От деревьев пахло болотной травой. На их зелёных блестящих стволах не было коры.

Солнечные лучи, пробиваясь сквозь заросли, ложились на землю редкими жёлтыми пятнами.

Земля под ногами была влажной и вязкой.

– Ну! – крикнула Валя, углубляясь в чащу леса. – Кто первый найдёт обед?

– Ладно, – сказал Карик, – ищи, только не отходи далеко, а то ещё потеряемся тут.

Перекликаясь и аукаясь, ребята шли по лесу, зорко поглядывая по сторонам.

По дороге они останавливались, отводили обеими руками тяжёлые листья и смотрели, нет ли под листьями ягод. Они залезали на травяные деревья и там искали ягоды. Но ягод не было.

Вот странный лес! Неужели придётся умереть от голода?

Вдруг ребята услышали впереди глухой шум.

Они остановились.

Карик поднял руку.

– Ты слышишь?

– Ага, – кивнула головой Валя. – Это вода! Кажется, это речка шумит. Идём! Около речек всегда бывают ягоды. Я знаю!

Валя побежала.

Карик бросился за ней.

– Тише! – закричал он. – Может быть, это не речка вовсе, а какая-нибудь лягушка дышит.

Он взял Валу за руку.

Ребята двинулись в ту сторону, откуда доносился шум, прислушиваясь к каждому подозрительному шороху.

Кучи поваленных стволов, обросших слоем высохшей грязи, преграждали им путь. Сухие листья стояли стеной, а когда ребята попробовали обойти один листик, он упал на них, и они еле выбрались из-под него.

Наконец Карик и Валя подошли к высокому холму. Они

взбежали на его вершину и вдруг почувствовали, как в лицо им повеяло холодом.

Впереди шумел поток.

Раздвинув руками заросли, они увидели перед собой речку.

Речка была невелика. Бурля и пенясь, она скакала по камням, неслась, виляя то вправо, то влево, низвергаясь грохочущими водопадами.

– Вижу! – закричала Валя.

Она вырвала свою руку из руки брата, оттолкнула его и помчалась вперёд.

– Валька! Стой! Назад!

Но Валя уже скрылась за стволами деревьев.

– Сюда! Сюда! – услышал Карик её голос. – Скорей! Здесь ягоды! Да какие большие! Скорее, Карик!

Карик побежал на голос сестры.

– Валька!

– Здесь! Здесь!

Валя стояла под высоким деревом и, задрав голову, показывала вверх.

Карик подбежал к ней.

– Ягоды? Да?

– Ага! Здесь! Большие!

Валя хлопнула рукой по изогнутому зелёному дереву.

Карик взглянул вверх.

Высоко над землёй висели, прижимаясь к самому стволу,

тёмные плоды, большие, как пивные бочки. Полные сочной мякоти, они притаились в тени длинных и узких листьев.

– Ну? – сверкнула глазами Валя.

– Что «ну»? Вперёд! – крикнул Карик, бросаясь к дереву.

Обхватив ствол руками и ногами, ребята полезли вверх, не спуская глаз с тёмных плодов, – сначала Карик, а за ним Валя.

Ствол слегка покачивался, листья дрожали, внизу, под обрывом, шумела и пенилась река.

Валя взглянула вниз.

– Ох, если свалимся – беда! – сказала она.

– Лезь! – крикнул Карик сверху. – Не свалимся!

Проворно перебирая руками и ногами, они добрались наконец до заманчивых плодов.

Карик протянул руку, и вдруг в глазах у него потемнело. Руки разжались.

– Ты что? – поспешно спросила Валя и в ту же минуту почувствовала оглушающий шум в ушах. Голова у неё закружилась.

Взмахнув руками и перевернувшись в воздухе, ребята стремительно полетели вниз, в быструю, бурную реку.

Сильное течение подхватило Карика и Валу и, швыряя о камни, понесло вперёд, к грохочущему водопаду.

Глава 7

Бой в подземелье. – Животное с ушами на ногах. – Необыкновенный лес. – Иван Гермогенович становится пилотом. – Неожиданная встреча.

Иван Гермогенович сидел в норе. Когда глаза его привыкли к темноте, он увидел в глубине чёрной пещеры огромную голову с длинными усами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.